3 1761 08820919 2

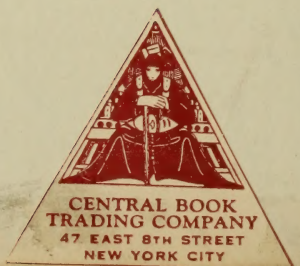
L.N. Tolstoi

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Народные разсказы

Narodnie razskazi

PANDORA No. 45


CENTRAL BOOK
TRADING COMPANY
47 EAST 8TH STREET
NEW YORK CITY

M. Butanoff

50

LR
T6545n2

Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf-

Л. Н. ТОЛСТОЙ

НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ

Narodnuia razskazui

НАРОДНЫЯ ЛЕГЕНДЫ
ГЕКСТЫ КЪ ЛУБОЧНЫМЪ КАРТИНАМЪ
ТРИ ПРИТЧИ

(Pandora, no. 45)

PRINTED IN TURKEY
45-9322
14.3.47

INSEL-VERLAG * LEIPZIG

НАРОДНЫЯ ЛЕГЕНДЫ

(1886)

КАКЪ ЧЕРТЕНОКЪ КРАЮШКУ ВЫКУПАЛЪ

Выѣхалъ бѣдный мужикъ пахать, не завтракамши, и взялъ съ собою изъ дома краюшку хлѣба. Перевернулъ мужикъ соху, отвязалъ сволока, положилъ подъ кустъ; тутъ же положилъ краюшку хлѣба и накрылъ кафтаномъ. Уморилась лошадь и проголодался мужикъ. Воткнулъ мужикъ соху, отпрягъ лошадь, пустилъ ее кормиться, а самъ пошелъ къ кафтану пообѣдать. Поднялъ мужикъ кафтанъ — нѣтъ краюшки; поискалъ, поискалъ, повертѣлъ кафтанъ, потрясъ — нѣтъ краюшки. Удивился мужикъ. „Чудное дѣло, думаетъ. Не видалъ никого, а унесъ кто-то краюшку“. А это чертенокъ, пока мужикъ пахалъ, утащилъ краюшку и сѣлъ за кустомъ послушать, какъ будетъ мужикъ ругаться, его, чорта, поминать.

Потужилъ мужикъ.

„Ну да, говоритъ, не умру съ голоду! Видно, тому нужно было, кто ее унесъ. Пускай ѣстъ на здоровье!“

И пошелъ мужикъ къ колодцу, напился воды, отдохнулъ, поймалъ лошадь, запрягъ и сталъ опять пахать.

Смутился чертенокъ, что не навелъ мужика на грѣхъ, и пошелъ сказаться нàбольшему чорту. Явился къ нàбольшему и разсказалъ, какъ онъ у мужика краюшку унесъ, а мужикъ замѣсто того, чтобы выругаться, сказалъ: „на здоровье!“ Разсердился нàбольшій дьяволъ. „Коли, говоритъ, мужикъ въ этомъ дѣлѣ верхà надъ тобою взялъ, ты самъ въ этомъ виноватъ: не умѣлъ. Если, говоритъ, мужики, а за ними и бабы такую повадку возьмутъ, намъ уже нѣ при чемъ жить станетъ. Нельзя

этого дѣла такъ оставить! Ступай, говоритъ, опять къ мужику, заслужи эту краюшку. Если ты въ три года сроку не возьмешь верха надъ мужикомъ, я тебя въ святой водѣ выкупаю!"

Испугался чертенокъ, побѣжалъ на землю, сталъ придумывать, какъ свою вину заслужить. Думалъ, думалъ и придумалъ. Обернулся чертенокъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ бѣдному мужику въ работники. И научилъ онъ мужика въ сухое лѣто посѣять хлѣбъ въ болотѣ. Послушался мужикъ работника, посѣялъ въ болотѣ. У другихъ мужиковъ все солнцемъ сожгло, а у бѣднаго мужика выросъ хлѣбъ густой, высокій, колосистый. Прокормился мижикъ до нови, и осталось еще много хлѣба. На лѣто научилъ работникъ мужика посѣять хлѣбъ на горахъ. И выпало дождливое лѣто. У людей хлѣбъ повалялся, попрѣлъ и зерна не налило, а у мужика на горахъ обломный хлѣбъ уродился. Осталось у мужика еще больше лишняго хлѣба. И не знаетъ мужикъ, что съ нимъ дѣлать.

И научилъ работникъ мужика затереть хлѣбъ и вино курить. Накурилъ мужикъ вина, сталъ самъ пить и другихъ поить. Пришелъ чертенокъ къ нàбольшему и сталъ хвалиться, что заслужилъ краюшку. Пошелъ нàбольшій посмотрѣть.

Пришелъ къ мужику, видитъ — созвалъ мужикъ богачей, виномъ ихъ угощаетъ. Подноситъ хозяйка вино гостямъ. Только стала обходить, зацѣпилась за столъ, пролила стаканъ. Разсердился мужикъ, разбранилъ жену: „ишь, говоритъ, чортова дура! развѣ это помои, что ты, косолапая, такое добро наземь льешь?"

Толкнулъ чертенокъ нàбольшаго локтемъ: „примѣчай, говоритъ, какъ онъ теперь не пожалѣетъ краюшки".

Разбранилъ хозяинъ жену, сталъ самъ подносить. Приходитъ съ работы бѣдный мужикъ, незваный; поздоровался, присѣлъ, видитъ — люди вино пьютъ; захотѣлось и ему съ устали винца выпить. Сидѣлъ-сидѣлъ, глоталъ-

глоталъ слюну, — не поднесъ ему хозяинъ; только про себя пробормоталъ: „развѣ на всѣхъ васъ вина напасешься!“

Понравилось и это нàбольшему чорту. А чертенокъ хвалится: „погоди, то ли еще будетъ“.

Выпили богатые мужики, выпилъ и хозяинъ. Стали они всѣ другъ къ дружкѣ подольщаться, другъ дружку хвалить и масляныя облыжныя рѣчи говорить. Послушалъ, послушалъ нàбольшій, — похвалилъ и за это. „Коли, говоритъ, отъ этого питья такъ лисить будутъ да другъ дружку обманывать, они у насъ всѣ въ рукахъ будутъ“. — „Погоди, — говоритъ чертенокъ, — что дальше будетъ; дай они по другому стаканчику выпьютъ. Теперь они, какъ лисицы, другъ передъ дружкой хвостами виляютъ, другъ дружку обмануть хотятъ, а погляди, сейчасъ какъ волки злые сдѣлаются“.

Выпили мужики по другому стаканчику, стала у нихъ рѣчь погромче и погрубѣе. Вмѣсто масляныхъ рѣчей стали они ругаться, стали другъ на дружку обозляться, сцѣпились драться, исколупали другъ дружкѣ носы. Ввязался въ драку и хозяинъ, избили и его.

Поглядѣлъ нàбольшій, и понравилось ему и это. „Это, говоритъ, хорошо“. А чертенокъ говоритъ: „погоди, то ли еще будетъ! Дай они выпьютъ по третьему. Теперь они какъ волки остервенились, а дай срокъ, по третьему выпьютъ, сейчасъ какъ свиньи сдѣлаются“.

Выпили мужики по третьему. Разсолодѣли совсѣмъ. Бормочутъ, кричатъ, сами не знаютъ что, и другъ дружку не слушаютъ. Пошли расходиться — кто порознь, кто подвое, кто по-трое — повалялись всѣ по улицамъ. Вышелъ провожать гостей хозяинъ, упалъ носомъ въ лужу, измазался весь, лежитъ какъ боровъ, хрюкаетъ.

Еще пуще понравилось это нàбольшему. „Ну, говоритъ, хорошее питье ты выдумалъ, заслужилъ краюшку. Скажи жъ ты мнѣ, говоритъ, какъ ты это питье сдѣлалъ? Не иначе ты сдѣлалъ, какъ напустилъ туда сперва лисьей

крови: отъ нея-то мужикъ хитрый какъ лисица сдѣлался. А потомъ — волчьей крови: отъ нея-то онъ обозлился какъ волкъ. А подъ конецъ подпустилъ ты, видно, свиной крови: отъ нея-то онъ свиньей сталъ".

— Нѣтъ, — говоритъ чертенокъ, — я не такъ сдѣлалъ. Я ему всего только и сдѣлалъ, что хлѣба лишняго зародилъ. Она, эта кровь звѣриная, всегда въ немъ живетъ, да ей ходу нѣтъ, когда хлѣба съ нужду рожается. Тогда онъ и послѣдней краюшки не жалѣлъ, а какъ стали лишки отъ хлѣба оставаться, сталъ онъ придумывать, какъ бы себя потѣшить. И научилъ я его потѣхѣ — вино пить. А какъ сталъ онъ Божій даръ въ вино курить для своей потѣхи, поднялась въ немъ и лисья, и волчья, и свиная кровь. Теперь только бы вино пилъ, всегда звѣремъ будетъ.

Похвалилъ нàбольшій чертенка, простилъ его за краюшку хлѣба и у себя въ старшихъ поставилъ.

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВѢКУ ЗЕМЛИ НУЖНО

I

Пріѣхала изъ города старшая сестра къ меньшой въ деревню. Старшая за купцомъ была въ городѣ, а меньшая за мужикомъ въ деревнѣ. Пьютъ чай сестры, разговариваютъ. Стала старшая сестра чваниться — свою жизнь въ городѣ выхвалять: какъ она въ городѣ просторно и чисто живетъ и ходитъ, какъ она дѣтей наряжаетъ, какъ она сладко ѣстъ и пьетъ и какъ на катанья, гулянья и въ театры ѣздитъ.

Обидно стало меньшой сестрѣ, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою крестьянскую возвышать.

— Не промѣняю я, говоритъ, своего житья на твое. Даромъ что сѣро живемъ, да страху не знаемъ. Вы и почище

живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живетъ: барышу накладъ — большой братъ. Бываетъ и то: нынче богатъ, а завтра подъ окнами находишься. А наше мужицкое дѣло вѣрнѣе: у мужика животъ тонокъ, да дологъ; богаты не будемъ, да сыты будемъ.

Стала старшая сестра говорить: „сытость-то какая, — со свиньями да съ телятами! Ни убранства, ни обращенья! Какъ ни трудись твой хозяинъ, какъ живете въ навозѣ, такъ и помрете, и дѣтямъ то же будетъ.

— А что жъ, — говоритъ меньшая, — наше дѣло такое. Зато твердо живемъ, никому не кланяемся, никого не боимся. А вы въ городѣ всѣ въ соблазнахъ живете; нынче хорошо, а завтра подвернется нечистый, — глядь, и соблазнитъ хозяина твоего либо на карты, либо на вино, либо на кралю какую. И пойдетъ все прахомъ. Развѣ не бываетъ?

Слушалъ Пахомъ-хозяинъ на печи, что бабы балакаютъ. „Правда это, говоритъ, истинная. Какъ нашъ братъ сызмальства ее, землю-матушку, переворачиваетъ, такъ дурь-то въ голову и не пойдетъ. Одно горе — земли мало! А будь земли вволю, такъ я никого, и самого чорта не боюсь!“

Отпили бабы чай, побалакали еще о нарядахъ, убрали посуду и полегли спать.

А чортъ за печкой сидѣлъ, все слышалъ. Обрадовался онъ, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что, была бъ у него земля, его и чортъ не возьметъ.

„Ладно, думаетъ, поспоримъ мы съ тобой; я тебѣ земли много дамъ. Землей тебя и возьму“.

II

Жила рядомъ съ мужиками барынька небольшая. Было у нея 120 десятинъ земли. И жила прежде съ мужиками смирно — не обижала. Да нанялся къ ней солдатъ отставной въ приказчики и сталъ донимать мужиковъ штрафами.

Какъ ни бережется Пахомъ, а либо лошадь въ овсы забѣжитъ, либо корова въ садъ забредетъ, либо телята въ луга уйдутъ, — за все штрафъ.

Расплачивается Пахомъ и домашнихъ ругаетъ и бьетъ. И много грѣха отъ этого приказчика принялъ за лѣто Пахомъ. Ужъ и радъ былъ, что скотина на дворъ стала, — хоть и жалко корму, да страху нѣтъ.

Прошелъ зимой слухъ, что продаетъ барыня землю и что ладитъ купить ее дворникъ съ большой дороги. Услыхали мужики, ахнули. „Ну, думаютъ, достанется земля дворнику, замучаетъ штрафами хуже барыни. Намъ безъ этой земли жить нельзя, мы всѣ у нея въ кругу". Пришли мужики къ барынѣ міромъ, стали просить, чтобъ не продавала дворнику, а имъ отдала. Обѣщали дороже заплатить. Согласилась барыня. Стали мужики ладить міромъ всю землю купить; сбирались и разъ, и два на сходки — не сошлось дѣло. Разбиваетъ ихъ нечистый, никакъ не могутъ согласиться. И порѣшили мужики порознь покупать, сколько кто осилитъ. Согласилась и на это барыня. Услыхалъ Пахомъ, что купилъ у барыни 20 десятинъ сосѣдъ и она ему половину денегъ на года разсрочила. Завидно стало Пахому: „раскупятъ, думаетъ, всю землю, останусь я не при чемъ". Сталъ съ женой совѣтоваться.

— Люди покупаютъ, надо, говоритъ, и намъ купить десятинъ десятокъ. А то жить нельзя: одолѣлъ приказчикъ штрафами.

Обдумали, какъ купить. Было у нихъ отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчелъ половину, да сына заложили въ работники, да еще у свояка занялъ, и набралась половина денегъ.

Собралъ Пахомъ деньги, облюбовалъ землю, 15 десятинъ съ лѣсочкомъ, и пошелъ къ барынѣ торговаться. Выторговалъ 15 десятинъ, ударилъ по рукамъ и задатокъ далъ. Поѣхали въ городъ, купчую закрѣпили, деньги половину отдалъ, остальныя въ два года обязался выплатить.

И сталъ Пахомъ съ землей. Занялъ Пахомъ сѣмянъ, посѣялъ покупную землю; родилось хорошо. Въ одинъ годъ выплатилъ долгъ и барынѣ, и свояку. И сталъ Пахомъ помѣщикомъ: свою землю пахалъ и сѣялъ, на своей землѣ сѣно косилъ, со своей земли колья рубилъ и на своей землѣ скотину кормилъ. Выѣдетъ Пахомъ на свою вѣчную землю пахать или придетъ всходы и луга посмотрѣть,— не нарадуется. И трава-то, ему кажется, растетъ, и цвѣты-то цвѣтутъ на ней совсѣмъ иные. Бывало, проѣзжалъ по этой землѣ — земля какъ земля, а теперь совсѣмъ земля особенная стала.

III

Живетъ такъ Пахомъ, радуется. Все бы хорошо, только стали мужики у Пахома хлѣбъ и луга травить. Честью просилъ, все не унимаются: то пастухи упустятъ коровъ въ луга, то лошади изъ ночного на хлѣба зайдутъ. И сгонялъ Пахомъ, и прощалъ, все не судился, потомъ наскучило, сталъ въ волостное жаловаться. И знаетъ, что отъ тѣсноты, а не съ умысломъ дѣлаютъ мужики, а думаетъ: „нельзя же и спускать, этакъ они все вытравятъ. Надо поучить".

Поучилъ такъ судомъ разъ, поучилъ другой, оштрафовали одного, другого. Стали мужики-сосѣди на Пахома сердце держать; стали другой разъ и нарочно травить. Забрался какой-то ночью въ лѣсокъ, десятокъ липокъ на лыки срѣзалъ. Проѣхалъ по лѣсу Пахомъ,— глядь, бѣлѣется. Подъѣхалъ — лутошки брошены лежатъ, и пенушки торчатъ. Хоть бы изъ куста крайнія срѣзалъ, одну оставилъ, а то подъ рядъ злодѣй всѣ счистилъ. Обозлился Пахомъ. „Ахъ, думаетъ, вызнать бы, кто это сдѣлалъ; ужъ я бы ему выместилъ. Думалъ, думалъ, кто: „больше некому, думаетъ, какъ Семкѣ". Пошелъ къ Семкѣ на дворъ искать, ничего не нашелъ, только поругались. И еще больше увѣрился Пахомъ, что Семенъ сдѣлалъ. Подалъ прошеніе. Вызвали на судъ. Судили, судили — оправдали мужика: уликъ нѣтъ. Еще пуще обидѣлся Па-

хомъ; со старшиной и судьями разругался. „Вы, говоритъ, воровъ руку тянете. Кабы сами по правдѣ жили, не оправляли бы воровъ". Поссорился Пахомъ и съ судьями, и съ сосѣдями. Стали ему и краснымъ пѣтухомъ грозиться. Стало Пахому въ землѣ жить просторнѣй, а въ міру тѣснѣй.

И прошелъ въ то время слухъ, что идетъ народъ на новыя мѣста. И думаетъ Пахомъ: „самому мнѣ отъ своей земли идти не-зачѣмъ, а вотъ кабы изъ нашихъ кто пошли, у насъ бы просторнѣе стало. Я бы ихъ землю на себя взялъ, себѣ въ кругъ пригналъ; житье бы лучше стало. А то все тѣснота".

Сидитъ разъ Пахомъ дома, заходитъ мужикъ прохожій. Пустили ночевать мужика, покормили, разговорились, — откуда, молъ, Богъ несетъ? Говоритъ мужикъ, что идетъ съ низу, изъ-за Волги, тамъ въ работѣ былъ. Слово за слово, разсказываетъ мужикъ, какъ туда народъ селиться идетъ. Разсказываетъ: поселились тамъ ихніе, приписались въ общество, и нарѣзали имъ по десять десятинъ на душу. А земля такая, говоритъ, что посѣяли ржи, такъ солома — лошади не видать, а густая, что горстей пять — и снопъ. Одинъ мужикъ, говоритъ, совсѣмъ бѣдный, съ однѣми руками пришелъ, а теперь шесть лошадей, двѣ коровы.

Разгорѣлось у Пахома сердце. Думаетъ: „что жъ тутъ въ тѣснотѣ бѣдствовать, коли можно хорошо жить. Продамъ здѣсь и землю и дворъ; тамъ я на эти деньги выстроюсь и заведеніе все заведу. А здѣсь въ этой тѣснотѣ — грѣхъ одинъ. Только самому все путемъ вызнать надо.

Собрался на лѣто, пошелъ. До Самары плылъ по Волгѣ внизъ на пароходѣ, потомъ пѣшій верстъ 400 прошелъ. Дошелъ до мѣста. Все такъ точно. Живутъ мужики просторно, по 10 десятинъ земли на душу нарѣзано, и принимаютъ въ общество съ охотою. А коли кто съ денежками, покупай, кромѣ надѣльной, въ вѣчную, сколько

хочешь, по три рубля самой первой земли; сколько хочешь, купить можно!

Разузналъ все Пахомъ, вернулся къ осени домой, сталъ все распродавать. Продалъ землю съ барышомъ, продалъ дворъ свой, продалъ скотину всю, выписался изъ общества, дождался весны и поѣхалъ съ семьей на новыя мѣста.

IV

Пріѣхалъ Пахомъ на новыя мѣста съ семействомъ, приписался въ большое село въ общество. Попоилъ стариковъ, бумаги всѣ выправилъ. Приняли Пахома, нарѣзали ему на 5 душъ надѣльной земли 50 десятинъ въ разныхъ поляхъ, кромѣ выгона. Построился Пахомъ, скотину завелъ. Земли у него одной душевой противъ прежняго втрое стало. И земля хлѣбородная. Житье противъ того, что на старинѣ было, вдесятеро лучше. И пахотной земли, и кормовъ вволю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, покуда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился — и на этой землѣ тѣсно показалось. Посѣялъ первый годъ Пахомъ пшеницу на душевой, хороша уродилась. Разохотился онъ пшеницу сѣять, а душевой земли мало. И какая есть, не годится. Пшеницу тамъ на ковыльной или залежной землѣ сѣютъ. Посѣютъ годъ-два и запускаютъ, пока опять ковылемъ прорастетъ. А на такую землю охотниковъ много, на всѣхъ и не хватаетъ. Тоже изъ-за нея споры; побогаче кто — хотятъ сами сѣять, а бѣдняки отдаютъ купцамъ за подати. Захотѣлъ Пахомъ побольше посѣять. Поѣхалъ на другой годъ къ купцу, купилъ земли на годъ. Посѣялъ побольше — родилось хорошо; да далеко отъ села: верстъ за 15 возить надо. Видитъ — въ округѣ купцы-мужики хуторами живутъ, богатѣютъ. „То ли дѣло, — думаетъ Пахомъ, — коли бы тоже въ вѣчность землицы купить да построить хуторъ. Все бы въ кругу было“. И сталъ подумывать Пахомъ, какъ бы землю въ вѣчность купить.

Прожилъ такъ Пахомъ три года. Снималъ землю, пшеницу

сѣялъ. Года вышли хорошіе, и пшеница хороша рожалась, и деньги залежныя завелись. Жить бы да жить, да скучно показалось Пахому каждый годъ въ людяхъ землю покупать, изъ-за земли воловодиться: гдѣ хорошенькая землица есть, сейчасъ налетятъ мужики, всю разберутъ; не поспѣлъ укупить и не на чемъ сѣять. А то купилъ на 3-й годъ съ купцомъ пополамъ выгонъ у мужиковъ, и вспахали ужъ, да засудились мужики, такъ и пропала работа. „Кабы своя земля была, думаетъ, никому бы не кланялся, и грѣха бы не было".

И сталъ Пахомъ разузнавать, гдѣ купить земли въ вѣчность. И попалъ на мужика. Были куплены у мужика 500 десятинъ, да разорился онъ и продаетъ задешево. Сталъ Пахомъ ладить съ нимъ. Толковалъ, толковалъ — сладился за 1.000 руб., половину денегъ обождать. Совсѣмъ ужъ было поладили, да заѣзжаетъ разъ къ Пахому купецъ проѣзжій на дворъ покормить. Попили чайку, поговорили. Разсказываетъ купецъ, что ѣдетъ онъ изъ дальнихъ башкиръ. Тамъ, разсказываетъ, купилъ у башкирцевъ земли тысячъ пять десятинъ. И стало всего тысячу рублей. Сталъ разспрашивать Пахомъ. Разсказалъ купецъ. „Только, говоритъ, стариковъ ублаготворилъ. Халатовъ, ковровъ раздарилъ рублей на 100, да цыбикъ чаю, да попоилъ винцомъ, кто пьетъ, и по 20 коп. за десятину взялъ". Показываетъ купчую. „Земля, говоритъ, по рѣчкѣ, и степь вся ковыльная". Сталъ разспрашивать Пахомъ, какъ и что. „Земли, — говоритъ купецъ — тамъ не обойдешь и въ годъ: все башкирская. А народъ несмышленый, какъ бараны. Можно почти даромъ взять". — „Ну, — думаетъ Пахомъ, — что жъ мнѣ за мои 1.000 руб. 500 десятинъ купить, да еще долгъ на шею забрать. А тутъ я за 1.000 рублей чѣмъ завладаю!"

V

Разспросилъ Пахомъ, какъ проѣхать, и только проводилъ купца, собрался самъ ѣхать. Оставилъ домъ на жену, самъ собрался съ работникомъ, поѣхалъ. Заѣхали въ городъ,

купили чаю цыбикъ, подарковъ, вина, — все, какъ купецъ сказалъ. Ѣхали, ѣхали, верстъ 500 отъѣхали. На седьмыя сутки пріѣхали на башкирскую кочевку. Все такъ, какъ купецъ говорилъ. Живутъ всѣ въ степи, надъ рѣчкой, въ кибиткахъ войлочныхъ. Сами не пашутъ и хлѣба не ѣдятъ. А въ степи скотина ходитъ и лошади косяками. За кибитками жеребята привязаны, и къ нимъ два раза въ день матокъ пригоняютъ; кобылье молоко доятъ и изъ него кумысъ дѣлаютъ. Бабы кумысъ болтаютъ и сыръ дѣлаютъ, а мужики только и знаютъ, — кумысъ и чай пьютъ, баранину ѣдятъ да на дудкахъ играютъ. Гладкіе всѣ, веселые, все лѣто празднуютъ. Народъ совсѣмъ темный и по-русски не знаетъ, а ласковый.

Только увидали Пахома, повышли изъ кибитокъ башкирцы, обступили гостя. Нашелся переводчикъ. Сказалъ ему Пахомъ, что онъ объ землѣ пріѣхалъ. Обрадовались башкирцы, подхватили Пахома, свели его въ кибитку хорошую, посадили на ковры, подложили подъ него подушекъ пуховыхъ, сѣли кругомъ, стали угощать чаемъ, кумысомъ. Барана зарѣзали и бараниной накормили. Досталъ Пахомъ изъ тарантаса подарки, сталъ башкирцамъ раздавать. Одарилъ Пахомъ башкирцевъ подарками и чай раздѣлилъ. Обрадовались башкирцы. Лопотали, лопотали промежъ себя, потомъ велѣли переводчику говорить.

— Велятъ тебѣ сказать, — говоритъ переводчикъ, — что они полюбили тебя и что у насъ обычай такой — гостю всякое удовольствіе дѣлать и за подарки отдаривать. Ты насъ одарилъ; теперь скажи, что тебѣ изъ нашего полюбится, чтобы тебя отдарить?

— Полюбилась мнѣ, — говоритъ Пахомъ, — больше всего у васъ земля. У насъ, говоритъ, въ землѣ тѣснота, да и земля выпаханная, а у васъ земли много и земля хороша. Я такой и не видывалъ.

Передалъ переводчикъ. Поговорили, поговорили башкирцы. Не понимаетъ Пахомъ, что они говорятъ, а видитъ, что веселы, кричатъ что-то, смѣются. Затихли потомъ,

смотрятъ на Пахома, а переводчикъ говоритъ: „велятъ, говоритъ, они тебѣ сказать, что за твое добро рады тебѣ сколько хочешь земли отдать. Только рукой покажи какую — твоя будетъ".

Поговорили они еще и что-то спорить стали. И спросилъ Пахомъ, о чемъ спорятъ. И сказалъ переводчикъ: говорятъ одни, что надо объ землѣ старшину спросить, а безъ него нельзя. А другіе говорятъ, и безъ него можно".

VI

Спорятъ башкирцы, вдругъ идетъ человѣкъ въ шапкѣ лисьей. Замолчали всѣ и встали. И говоритъ переводчикъ: „это старшина самый". Сейчасъ досталъ Пахомъ лучшій халатъ и поднесъ старшинѣ и еще чаю 5 фунтовъ. Принялъ старшина и сѣлъ на первое мѣсто. И сейчасъ стали говорить ему что-то башкирцы. Слушалъ, слушалъ старшина, кивнулъ головой, чтобъ они замолчали и сталъ говорить Пахому по-русски.

Что жъ, говоритъ, можно. Бери, гдѣ полюбится. Земли много.

„Какъ же я возьму, сколько хочу, — думаетъ Пахомъ. — Надо же какъ ни есть закрѣпить. А то скажутъ твоя, а потомъ отнимутъ".

— Благодаримъ васъ, говоритъ, на добромъ словѣ. Земли вѣдь у васъ много; а мнѣ немножко надо. Только бы мнѣ знать, какая моя будетъ. Ужъ какъ-нибудь все-таки отмѣрить и закрѣпить за мной надо. А то въ смерти-животѣ Богъ воленъ. Вы добрые люди, даете, а придется — дѣти ваши отнимутъ.

— Правда твоя, — говоритъ старшина, — закрѣпить можно.

Сталъ Пахомъ говорить: „я вотъ слышалъ, у васъ купецъ былъ. Вы ему тоже землицы подарили и купчую сдѣлали; такъ и мнѣ бы тоже".

Все понялъ старшина.

— Это все можно, говоритъ. У насъ и писарь есть, и въ городъ поѣдемъ, и всѣ печати приложимъ.

— А цѣна какая будетъ? — говоритъ Пахомъ.
— Цѣна у насъ одна: 1.000 руб. за день.
Не понялъ Пахомъ. — Какая же это мѣра — день? Сколько въ ней десятинъ будетъ?
— Мы этого, говоритъ, не умѣемъ считать. А мы за день продаемъ; сколько обойдешь въ день, то и твое, а цѣна дню 1.000 руб.
Удивился Пахомъ. — Да вѣдь это, говоритъ, въ день обойти, земли много будетъ.
Засмѣялся старшина. — Вся твоя! говоритъ. Только одинъ уговоръ; если назадъ не придешь въ день къ тому мѣсту, съ какого возьмешься, пропали твои деньги.
— А какъ же, — говоритъ Пахомъ, — отмѣтить, гдѣ я пройду?
— А мы станемъ на мѣсто, гдѣ ты облюбуешь, мы стоять будемъ, а ты иди, дѣлай кругъ; а съ собой скребку возьми и, гдѣ надобно, замѣчай, на углахъ ямки рой, дернички клади, потомъ съ ямки на ямку плугомъ проѣдемъ. Какой хочешь кругъ забирай, только до захода солнца приходи къ тому мѣсту, съ какого взялся. Что обойдешь, все твое.
Обрадовался Пахомъ. Порѣшили наранѣ выѣзжать. Потолковали, попили еще кумысу, баранины поѣли, еще чаю напились; стало дѣло къ ночи. Уложили Пахома спать на пуховикѣ, и разошлись башкирцы. Обѣщались завтра на зорькѣ собраться, до солнца на мѣсто выѣхать.

VII

Легъ Пахомъ на пуховики и не спится ему, все про землю думаетъ. „Отхвачу, думаетъ, палестину большую. Верстъ 50 обойду въ день-то. День-то нынче что годъ; въ 50 верстахъ будетъ земли-то чтò! Какую похуже — продамъ или мужиковъ пущу, а любенькую отберу, самъ на ней сяду. Плуга два быковъ заведу, человѣка два работниковъ принайму: десятинокъ полсотни пахать буду, а на остальной скотину нагуливать стану“.

Не заснулъ всю ночь Пахомъ. Предъ зарей только забылся. Только забылся и видитъ онъ сонъ. Видитъ онъ, что лежитъ будто онъ въ этой самой кибиткѣ и слышитъ наружѣ гогочетъ кто-то. И будто захотѣлось ему посмотрѣть, кто такой смѣется, и всталъ онъ, вышелъ изъ кибитки и видитъ — сидитъ тотъ самый старшина башкирскій предъ кибиткой, за животъ ухватился обѣими руками, закатывается, гогочетъ на что-то. Подошелъ онъ и спросилъ: „чему смѣешься?“ И видитъ онъ, будто это не старшина башкирскій, а купецъ намеднишній, что къ нимъ заѣзжалъ, объ землѣ разсказывалъ. И только спросилъ у купца: „ты давно ли тутъ?“ а это уже и не купецъ, а тотъ самый мужикъ, что на старинѣ съ низу заходилъ. И видитъ Пахомъ, что будто и не мужикъ это, а самъ дьяволъ, съ рогами и съ копытами, сидитъ, хохочетъ, а передъ нимъ лежитъ человѣкъ босикомъ, въ рубахѣ и портканхъ. И будто поглядѣлъ Пахомъ пристальнѣй, что за человѣкъ такой? И видитъ, что человѣкъ мертвый и что это — онъ самъ. Ужаснулся Пахомъ и проснулся. Проснулся, — „чего не приснится!“ думаетъ. Оглядѣлся: видитъ въ открытую дверь, ужъ бѣло становится, свѣтать начинаетъ. „Надо, думаетъ, будить народъ, пора ѣхать“. Поднялся Пахомъ, разбудилъ работника въ тарантасѣ, велѣлъ запрягать и пошелъ башкирцевъ будить. „Пора, говоритъ, на степь ѣхать, отмѣрять“. Повставали башкирцы, собрались всѣ, и старшина пришелъ. Зачали башкирцы опять кумысъ пить, хотѣли Пахома угостить чаемъ, да не сталъ онъ дожидаться. „Коли ѣхать, такъ ѣхать, говоритъ, пора“.

VIII

Собрались башкирцы, сѣли — кто верхами, кто въ тарантасы, поѣхали. А Пахомъ съ работникомъ на своемъ тарантасикѣ поѣхали и съ собой скребку взяли. Пріѣхали въ степь, заря занимается. Взъѣхали на бугорокъ, по-башкирски — на шиханъ. Вылѣзли изъ тарантасовъ, по-

слѣзали съ лошадей, сошлись въ кучку. Подошелъ старшина къ Пахому, показалъ рукой.

— Вотъ, говоритъ, вся наша, что глазомъ окинешь. Выбирай любую.

Разгорѣлись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная какъ ладонь, черная какъ макъ, а гдѣ лощина — такъ разнотравье, трава по груди.

Снялъ старшина шапку лисью, поставилъ на землю.

— Вотъ, говоритъ, мѣтка будетъ. Отсюда поди, сюда приходи. Что обойдешь, все твое будетъ.

Вынулъ Пахомъ деньги, положилъ на шапку, снялъ кафтанъ, въ одной поддевкѣ остался, перепоясался потуже подъ брюхо кушакомъ, подтянулся, сумочку съ хлѣбомъ за пазуху положилъ, баклажку съ водой къ кушаку привязалъ, подтянулъ голенища, взялъ скребку у работника, собрался идти. Думалъ, думалъ, въ какую сторону взять, — вездѣ хорошо. Думаетъ — все одно; пойду на восходъ солнца. Сталъ лицомъ къ солнцу, размялся, ждетъ, чтобы показалось оно изъ-за края. Думаетъ — ничего времени пропускать не стану. Холодкомъ и идти легче. Только брызнуло изъ-за края солнце, вскинулъ Пахомъ скребку на плечо и пошелъ въ степь.

Пошелъ Пахомъ не тихо, не скоро. Отошелъ съ версту; остановился, вырылъ ямку и дернички другъ на дружку положилъ, чтобъ примѣтнѣй было. Пошелъ дальше. Сталъ разминаться, сталъ и шагу прибавлять. Отошелъ еще, вырылъ еще другую ямку.

Оглянулся Пахомъ. На солнцѣ хорошо видно шиханъ, и народъ стоитъ, и у тарантасовъ на колесахъ шины блестятъ. Угадываетъ Пахомъ, что верстъ пять прошелъ. Согрѣваться сталъ, снялъ поддевку, вскинулъ на плечо, пошелъ дальше. Тепло стало. Взглянулъ на солнышко, — ужъ время объ завтракѣ.

„Одна упряжка прошла, — думаетъ Пахомъ. — А ихъ четыре во дню, рано еще заворачивать. Дай только разуюсь“. Присѣлъ, разулся, сапоги за поясъ, пошелъ дальше.

Легко идти стало. Думаетъ: „дай пройду еще верстъ пятокъ, тогда влѣво загибать стану. Мѣсто-то хорошо очень, кидать жалко. Что дальше, то лучше". Пошелъ еще напрямикъ. Оглянулся — шиханъ ужъ чуть видно и народъ, какъ мураши, на немъ чернѣется и чуть блеститъ что-то.

„Ну, — думаетъ Пахомъ, — въ эту сторону довольно забралъ; надо загибать. Да и разопрѣлъ — пить хочется". Остановился, вырылъ ямку побольше, положилъ дернички, отвязалъ баклажку, напился и загнулъ круто влѣво. Шелъ онъ, шелъ, трава пришла высокая, и жарко стало.

Сталъ Пахомъ уставать; поглядѣлъ онъ на солнышко, видитъ — самый обѣдъ. „Ну, думаетъ, отдохнуть надо". Остановился Пахомъ, присѣлъ. Поѣлъ хлѣбца съ водой, а ложиться не сталъ: думаетъ — ляжешь, да и заснешь. Посидѣлъ немного, пошелъ дальше. Сначала легко пошелъ. Отъ ѣды силы прибавилось. Да ужъ жарко очень стало, да и сонъ клонить сталъ; однако все идетъ, думаетъ — часъ терпѣть, а вѣкъ жить.

Прошелъ еще и по этой сторонѣ много, хотѣлъ уже загибать влѣво, да глядь — лощинка подошла сырая; жаль бросать. Думаетъ — ленъ тутъ хорошъ уродится. Опять пошелъ прямо. Захватилъ лощинку, выкопалъ ямку за лощиной, загнулъ второй уголъ. Оглянулся Пахомъ на шиханъ: отъ тепла затуманилось, качается что-то въ воздухѣ и сквозь мару чуть виднѣются люди на шиханѣ. „Ну, — думаетъ Пахомъ, — длинны стороны взялъ, надо эту покороче взять". Пошелъ третью сторону, сталъ шагу прибавлять. Посмотрѣлъ на солнце — ужъ оно къ полднику подходитъ, а по третьей сторонѣ всего версты двѣ прошелъ. И до мѣста все тѣ же верстъ 15. „Нѣтъ, думаетъ, хоть кривая дача будетъ, а надо прямикомъ поспѣвать. Не забрать бы лишняго. А земли и такъ ужъ много". Вырылъ Пахомъ поскорѣе ямку и повернулъ прямикомъ къ шихану.

IX

Идетъ Пахомъ прямо на шиханъ, и тяжело ужъ ему стало. Разопрѣлъ и ноги босикомъ изрѣзалъ и отбилъ, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя, — не поспѣешь дойти до заката. Солнце не ждетъ, все спускается да спускается. „Ахъ, думаетъ, не ошибся ли, не много ли забралъ? Что, какъ не поспѣешь?“ Взглянетъ впередъ на шиханъ, взглянетъ на солнце: до мѣста далеко, а солнце ужъ недалеко отъ края.

Идетъ такъ Пахомъ, трудно ему, а все прибавляетъ да прибавляетъ шагу. Шелъ, шелъ — все еще далеко; побѣжалъ рысью. Бросилъ поддевку, сапоги, баклажку, шапку бросилъ, только скребку держитъ, ею попирается. „Ахъ, думаетъ, позарился я, все дѣло погубилъ, не добѣгу до заката“. И еще хуже ему отъ страха духъ захватываетъ. Бѣжитъ Пахомъ, рубаха и портки отъ пота къ тѣлу липнутъ, во рту пересохло. Въ груди какъ мѣхи кузнечные раздуваются, а въ сердцѣ молоткомъ бьетъ, и ноги какъ не свои — подламываются. Жутко стало Пахому: думаетъ, какъ бы не помереть съ натуги.

Помереть боится, а остановиться не можетъ. „Столько, думаетъ, пробѣжалъ, а теперь остановиться, — дуракомъ назовутъ“. Бѣжалъ, бѣжалъ, подбѣгаетъ ужъ близко и слышитъ: визжатъ, гайкаютъ на него башкирцы, и отъ крика ихняго у него еще пуще сердце разгорается. Бѣжитъ Пахомъ изъ послѣднихъ силъ, а солнце ужъ къ краю подходитъ, въ туманъ зашло; большое, красное, кровяное стало. Вотъ-вотъ закатываться станетъ. Солнце близко, да и до мѣста ужъ вовсе недалеко. Видитъ ужъ Пахомъ и народъ на шиханѣ, на него руками махаетъ, его подгоняетъ. Видитъ шапку лисью на землѣ и деньги на ней видитъ и старшину, какъ онъ на землѣ сидитъ, руками за пузо держится. И вспомнился Пахому сонъ. „Земли, думаетъ, много, да приведетъ ли Богъ на ней жить. Охъ, погубилъ я себя, думаетъ, не добѣгу“.

Взглянулъ Пахомъ на солнце, а оно до земли дошло,

ужъ краешкомъ заходить стало и дугой къ краю вырѣзалось. Наддалъ изъ послѣднихъ силъ Пахомъ, навалился напередъ тѣломъ, насилу ноги поспѣваютъ подставляться, чтобъ не упасть. Подбѣжалъ Пахомъ къ шихану, вдругъ темно стало. Оглянулся, — ужъ зашло солнце. Ахнулъ Пахомъ. „Пропали, думаетъ, мои труды". Хотѣлъ ужъ остановиться, да слышитъ, гайкаютъ все башкирцы, и вспомнилъ онъ, что снизу-то ему кажетъ, что зашло, а съ шихана не зашло еще солнце. Надулся Пахомъ, взбѣжалъ на шиханъ. На шиханѣ еще свѣтло. Взбѣжалъ Пахомъ, видитъ — шапка. Передъ шапкой сидитъ старшина, гогочетъ, руками за пузо держится. Вспомнилъ Пахомъ сонъ, ахнулъ, подкосились ноги, и упалъ онъ напередъ, руками до шапки досталъ.

— Ай, молодецъ! — закричалъ старшина. — Много земли завладѣлъ!

Подбѣжалъ работникъ Пахомовъ, хотѣлъ поднять его, а у него изо рта кровь течетъ, и онъ мертвый лежитъ.

Пощелкали языками башкирцы, пожалѣли.

Поднялъ работникъ скребку, выкопалъ Пахому могилу, ровно насколько онъ отъ ногъ до головы захватилъ — три аршина, и закопалъ его.

ЗЕРНО СЪ КУРИНОЕ ЯЙЦО

Нашли разъ ребята въ оврагѣ штучку съ куриное яйцо съ дорожкой посединѣ и похожее на зерно. Увидалъ у ребятъ штучку проѣзжій, купилъ за пятакъ, повезъ въ городъ, продалъ царю за рѣдкость.

Позвалъ царь мудрецовъ, велѣлъ имъ узнать, что за штука такая — яйцо или зерно? Думали, думали мудрецы — не могли отвѣта дать. Лежала эта штучка на окнѣ, влетѣла курица, стала клевать, проклевала дыру; всѣ и увидали, что — зерно. Пришли мудрецы и сказали царю: „это — зерно ржаное".

Удивился царь. Велѣлъ мудрецамъ узнать, гдѣ и когда это зерно родилось. Думали, думали мудрецы, искали въ книгахъ, — ничего не нашли. Пришли къ царю, говорятъ: „не можемъ дать отвѣта. Въ книгахъ нашихъ ничего про это не написано; надо у мужиковъ спросить, не слыхалъ ли кто отъ стариковъ, когда и гдѣ такое зерно сѣяли?“

Послалъ царь, велѣлъ къ себѣ стараго старика, мужика, привести. Разыскали старика стараго, привели къ царю. Пришелъ старикъ, зеленый, беззубый, насилу вошелъ на двухъ костыляхъ.

Показалъ ему царь зерно, да не видитъ ужъ старикъ; кое-какъ половину разглядѣлъ, половину руками ощупалъ.

Сталъ царь его спрашиватъ: „не знаешь ли, дѣдушка, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого, или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?“

Глухъ былъ старикъ, насилу-насилу разслышалъ, насилу-насилу понялъ. Сталъ отвѣтъ держать: „нѣтъ, говоритъ, на своемъ полѣ хлѣба такого сѣвать не сѣвалъ, и жинать не жиналъ, и покупывать не покупывалъ. Когда покупали хлѣбъ, все такое же зерно мелкое было. А надо, говоритъ, у моего батюшки спросить: можетъ онъ слыхалъ, гдѣ такое зерно рожалось“.

Послалъ царь за отцомъ старика, велѣлъ къ себѣ привести. Нашли и отца старикова, привели къ царю. Пришелъ старикъ старый на одномъ костылѣ. Сталъ ему царь зерно показывать. Старикъ еще видитъ глазами, хорошо разглядѣлъ. Сталъ царь его спрашивать: „не знаешь ли, старичокъ, гдѣ такое зерно родилось? Самъ на своемъ полѣ не сѣвалъ ли хлѣба такого, или на своемъ вѣку не покупывалъ ли гдѣ такого зерна?“

Хоть и крѣпонекъ на ухо былъ старикъ, а разслышалъ лучше сына. „Нѣтъ, говоритъ, на своемъ полѣ такого зерна сѣвать не сѣвалъ и жинать не жиналъ. А покупать не покупывалъ, потому что на моемъ вѣку денегъ еще

и въ заводѣ не было. Всѣ своимъ хлѣбомъ кормились, а по нуждѣ — другъ съ дружкой дѣлились. Не знаю я, гдѣ такое зерно родилось. Хоть и крупнѣе теперешняго и умолотнѣе наше зерно было, а такого видать не видалъ. Слыхалъ я отъ батюшки, — въ его время хлѣбъ лучше противъ нашего раживался и умолотнѣй, и крупнѣй былъ. Его спросить надо".

Послалъ царь за отцомъ стариковымъ. Нашли и дѣда, привели къ царю. Вошелъ старикъ къ царю безъ костылей; вошелъ легко; глаза свѣтлые, слышитъ хорошо и говоритъ внятно. Показалъ царь зерно дѣду. Поглядѣлъ дѣдъ, повертѣлъ.

—Давно, говоритъ, не видалъ я стариннаго хлѣбушка. — Откусилъ дѣдъ зерна, пожевалъ крупинку. — Оно самое, говоритъ.

— Скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ и когда такое зерно раживалось? На своемъ полѣ не сѣвалъ ли такой хлѣбъ, или на твоемъ вѣку гдѣ у людей не покупывалъ ли?

И сказалъ старикъ: „хлѣбъ такой на моемъ вѣку вездѣ раживался. Этимъ хлѣбомъ, говоритъ, я вѣкъ свой кормился и людей кормилъ. Это зерно и сѣялъ, это и жалъ, это и молотилъ".

И спросилъ царь: „скажи же мнѣ, дѣдушка, покупалъ ли ты гдѣ такое зерно, или самъ на своемъ полѣ сѣялъ?"

Усмѣхнулся старикъ. „Въ мое время, говоритъ, и вздумать никто не могъ такого грѣха, чтобы хлѣбъ продавать, покупать, а про деньги и не знали; хлѣба у всѣхъ своего вволю было".

И спросилъ царь: „такъ скажи же мнѣ, дѣдушка, гдѣ ты такой хлѣбъ сѣялъ и гдѣ твое поле было?"

И сказалъ дѣдъ: „мое поле было — земля Божья, гдѣ вспахалъ, тамъ и поле. Земля вольная была. Своей землю не звали. Своимъ только труды свои называли".

— Скажи же, — говоритъ царь, — мнѣ еще два дѣла: одно дѣло — отчего прежде такое зерно рожалось, а нынче не родится? А другое дѣло — отчего твой внукъ шелъ на

двоихъ костыляхъ, сынъ твой пришелъ на одномъ костылѣ, а ты вотъ пришелъ и вовсе легко; глаза у тебя свѣтлые, и зубы крѣпкіе, и рѣчь ясная и привѣтная? Отчего скажи, дѣдушка, эти два дѣла сталися?

И сказалъ старикъ: „оттого оба дѣла сталися, что перестали люди своими трудами жить, — на чужіе стали зариться. Въ старину не такъ жили: въ старину жили по-Божьи; своимъ владали, чужимъ не корыстовались".

КРЕСТНИКЪ

Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ; а Я говорю вамъ: не противьтесь злому... (Матѳ. V, 38, 39). Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ. (Римл. XII, 19).

I

Родился у бѣднаго мужика сынъ. Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду звать въ кумовья. Отказался сосѣдъ: не охота къ бѣдному мужику въ кумовья идти. Пошелъ бѣдный мужикъ къ другому, и тотъ отказался. Всю деревню исходилъ, нейдетъ никто въ кумовья. Пошелъ мужикъ въ иную деревню. И попадается ему навстрѣчу прохожій человѣкъ. Остановился прохожій человѣкъ.

— Здравствуй, говоритъ, мужичокъ, куда Богъ несетъ?

— Далъ мнѣ, — говоритъ мужикъ, — Господь дѣтище: во младости на посмотрѣнье, подъ старость на утѣшенье, а по смерти на поминъ души; а по бѣдности моей никто въ нашей деревнѣ въ кумовья нейдетъ. Иду кума искать.

И говоритъ прохожій человѣкъ: „возьми меня въ кумовья".

Обрадовался мужикъ, поблагодарилъ прохожаго человѣка и говоритъ: „кого же въ кумы звать?"

— А въ кумы, — говоритъ прохожій человѣкъ, — позови купеческую дочь. Поди въ городъ, на площади камен-

ный домъ съ лавками, у входа въ домъ проси купца, чтобъ отпустилъ дочь въ крестныя матери.

Усомнился мужикъ.

— Какъ мнѣ, говоритъ, нареченный кумъ, къ купцу-богачу идти? Побрезгаетъ онъ мной, не отпуститъ дочь.

— Не твоя печаль. Ступай — проси. Къ завтраму, къ утру, изготовься, — приду крестить.

Воротился бѣдный мужикъ домой, поѣхалъ въ городъ къ купцу. Поставилъ лошадь на дворѣ. Выходитъ самъ купецъ.

— Чего надо? — говоритъ.

— Да вотъ, господинъ купецъ. Далъ мнѣ Господь дѣтище: во младости на посмотрѣнье, подъ старость на утѣшенье, а по смерти на поминъ души. Пожалуй, отпусти дочь свою въ крестныя.

— А когда у тебя крестины?

— Завтра утромъ.

— Ну хорошо, ступай съ Богомъ, завтра къ обѣднѣ пріѣдетъ.

На другой день пріѣхала кума, пришелъ и кумъ, окрестили младенца. Только окрестили младенца, вышелъ кумъ, и не узнали, кто онъ; и не видали съ тѣхъ поръ.

II

Сталъ младенецъ возрастать на радость родителямъ: и силенъ, и работящъ, и уменъ, и смиренъ. Сталъ мальчикъ десяти годовъ. Отдали его родители грамотѣ учиться. Чему другіе пять лѣтъ учатся, въ одинъ годъ выучился мальчикъ. И нечего ему учить стало.

Пришла Святая недѣля. Сходилъ мальчикъ къ крестной матери, похристосовался, воротился домой и спрашиваетъ:

— Батюшка и матушка, гдѣ живетъ мой крестный? Я бы къ нему пошелъ, похристосовался.

И говоритъ ему отецъ:

— Не знаемъ мы, сынокъ любезный, гдѣ твой крестный

живетъ. Мы сами о томъ тужимъ. Не видали его съ тѣхъ поръ, какъ онъ тебя окрестилъ. И не слыхали про него, и не знаемъ, гдѣ живетъ, не знаемъ, и живъ ли онъ.

Поклонился сынъ отцу, матери.

— Отпусти меня, говоритъ, батюшка съ матушкой, моего крестнаго искать. Хочу его найти, съ нимъ похристосоваться.

Отпустили сына отецъ съ матерью. И пошелъ мальчикъ искать своего крестнаго.

III

Вышелъ мальчикъ изъ дому и пошелъ путемъ-дорогой. Прошелъ половину дня, встрѣчается ему прохожій человѣкъ.

Остановился прохожій.

— Здравствуй, говоритъ, мальчикъ, куда Богъ несетъ?

И сказалъ мальчикъ: „ходилъ я, говоритъ, къ матушкѣ крестной христосоваться, пришелъ домой, спросилъ у родителей: гдѣ живетъ мой крестный? хотѣлъ съ нимъ похристосоваться. Сказали мнѣ родители: не знаемъ мы, сынокъ, гдѣ живетъ твой крестный. Съ тѣхъ поръ какъ окрестили тебя, ушелъ онъ отъ насъ, и ничего мы про него не знаемъ и не знаемъ, живъ ли онъ. И захотѣлось мнѣ повидать своего крестнаго; такъ вотъ иду искать его.

И сказалъ прохожій человѣкъ: „я твой крестный“.

Обрадовался мальчикъ, похристосовался съ крестнымъ.

— Куда жъ ты, говоритъ, батюшка крестный, теперь путь держишь? Если въ нашу сторону, такъ приходи въ нашъ домъ, а если къ себѣ домой, такъ я съ тобой пойду.

И сказалъ крестный:

— Недосугъ мнѣ теперь въ твой домъ идти: мнѣ по деревнямъ дѣло есть. А къ себѣ домой я на завтра буду. Тогда приходи ко мнѣ.

— Какъ же я тебя, батюшка, найду?

— А вотъ иди все на восходъ солнца, все прямо; придешь въ лѣсъ, увидишь среди лѣса — полянка. Сядь на этой полянкѣ, отдохни и гляди, что тамъ будетъ. Выйдешь изъ лѣсу, увидишь садъ, а въ саду палатка съ золотой крышей. Это мой домъ. Подойди къ воротамъ. Я тебя самъ тамъ встрѣчу.

Сказалъ такъ крестный и пропалъ изъ глазъ крестника.

IV

Шелъ мальчикъ, какъ велѣлъ ему крестный. Шелъ, шелъ, приходитъ въ лѣсъ. Вышелъ на полянку и видитъ, среди полянки сосна, а на соснѣ укрѣплена на суку веревка, а на веревкѣ привѣшенъ чурбанъ дубовый, пуда въ три. А подъ чурбаномъ корыто съ медомъ. Только подумалъ мальчикъ, зачѣмъ тутъ медъ поставленъ и чурбанъ привѣшенъ, затрещало въ лѣсу, и видитъ, идутъ медвѣди: впереди медвѣдица, за ней пѣстунъ годовалый и позади еще трое медвѣжатъ маленькихъ. Потянула медвѣдица въ себя носомъ и пошла прямо къ корыту, а медвѣжата за ней. Сунула медвѣдица морду въ медъ, позвала медвѣжатъ, подскочили медвѣжата, припали къ корыту. Откачнулся чурбанъ недалеко, вернулся назадъ, толкнулъ медвѣжатъ. Увидала это медвѣдица, оттолкнула чурбанъ лапой. Откачнулся подальше чурбанъ, опять назадъ пришелъ, ударилъ въ середину медвѣжатъ — кого по спинѣ, кого по головѣ. Заревѣли медвѣжата, отскочили прочь. Рявкнула медвѣдица, ухватила обѣими лапами чурбанъ надъ головой, махнула его отъ себя прочь. Улетѣлъ высоко чурбанъ, подскочилъ пѣстунъ къ корыту, уткнулъ морду въ медъ, чавкаетъ, стали и другіе подходить. Не успѣли подойти, прилетѣлъ чурбанъ назадъ, ударилъ пѣстуна по головѣ, убилъ его до смерти. Заревѣла пуще прежнаго медвѣдица, какъ схватитъ чурбанъ да пуститъ его изо всѣхъ силъ вверхъ, — взлетѣлъ чурбанъ выше сука, даже веревка ослабла. Подошла медвѣдица къ

корыту и всѣ медвѣжата за ней. Летѣлъ, летѣлъ чурбанъ кверху, остановился, пошелъ книзу. Что ниже, то шибче расходится. Разошелся шибко, налетѣлъ на медвѣдицу, какъ чебурахнетъ ее по башкѣ,—перевернулась медвѣдица, подергала ногами и издохла. Разбѣжались медвѣжата.

V

Подивился мальчикъ и пошелъ дальше. Приходитъ къ большому саду, а въ саду высокія палаты съ золотой крышей. И у воротъ стоитъ крестный, улыбается. Поздоровался съ сыномъ крестнымъ, ввелъ его въ ворота и повелъ по саду. И во снѣ не снилось мальчику такой красоты и радости, какая въ этомъ саду была.

Ввелъ крестный мальчика въ палаты. Палаты еще лучше. Провелъ крестный мальчика по всѣмъ горницамъ: одна другой лучше, одна другой веселѣе, и привелъ его къ запечатанной двери.

— Видишь ли, говоритъ, эту дверь? Замка на ней нѣтъ, только печати. Отворить ее можно, да не велю я тебѣ. Живи ты и гуляй, гдѣ хочешь и какъ хочешь; всѣми радостями радуйся, только одинъ тебѣ заказъ: въ эту дверь не входи. А если и войдешь, такъ попомни, что ты въ лѣсу видѣлъ.

Сказалъ это крестный и ушелъ. Остался крестникъ одинъ и сталъ жить. И такъ ему весело и радостно было, что думалось ему, что прожилъ онъ тутъ только три часа, а прожилъ онъ тутъ тридцать лѣтъ. И какъ прошло тридцать лѣтъ, подошелъ крестникъ къ запечатанной двери и подумалъ: „отчего не велѣлъ мнѣ крестный входить въ эту горницу? Дай пойду посмотрю, что тамъ такое?“

Толкнулъ дверь, отскочили печати, отворилась дверь. Вошелъ крестникъ и видитъ, палаты больше всѣхъ и лучше всѣхъ, и въ серединѣ палатъ стоитъ золотой престолъ. Походилъ, походилъ крестникъ по палатамъ и подошелъ къ престолу, вошелъ по ступенямъ и сѣлъ. Сѣлъ и видитъ — у престола жезлъ стоитъ. Взялъ крест-

никъ въ руки жезлъ. Только что взялъ въ руки жезлъ, вдругъ отвалились всѣ четыре стѣны въ палатахъ. Поглядѣлъ кругомъ себя крестникъ и видитъ весь міръ и все, что въ міру люди дѣлаютъ. Посмотрѣлъ прямо — видитъ море, корабли плаваютъ. Посмотрѣлъ вправо — видитъ чужіе, не христіанскіе народы живутъ. Посмотрѣлъ въ лѣвую сторону — христіанскіе, да не русскіе живутъ. Посмотрѣлъ въ четвертую сторону — наши русскіе живутъ. „Дай, говоритъ, посмотрю, что у насъ дома дѣлается, хорошо ли у насъ хлѣбъ родился?“ Посмотрѣлъ на поле на свое, видитъ крестцы стоятъ. Сталъ онъ считать крестцы, много ли хлѣба, и видитъ, ѣдетъ на поле телѣга и сидитъ въ ней мужикъ. Думалъ крестникъ, что родитель его ѣдетъ ночью снопы поднимать. Смотритъ: это Василій Кудряшовъ, воръ, ѣдетъ. Подъѣхалъ къ копнамъ, сталъ накладывать. Досадно стало крестнику. Закричалъ онъ: „Батюшка, снопы съ поля крадутъ!“

Проснулся отецъ въ ночномъ. „Приснилось мнѣ, говоритъ, что снопы крадутъ; дай пойду посмотрю“. Сѣлъ на лошадь — поѣхалъ.

Пріѣзжаетъ на поле, увидалъ Василія, скричалъ мужиковъ. Избили Василія. Связали, повели въ острогъ.

Поглядѣлъ еще крестникъ на городъ, гдѣ его крестная жила. Видитъ замужемъ она за купцомъ. И лежитъ она, спитъ, а мужъ ея всталъ, идетъ къ любовницѣ. Закричалъ крестникъ купчихѣ: „вставай, твой мужъ худыми дѣлами занялся“.

Вскочила крестная, одѣлась, разыскала, гдѣ ея мужъ, изсрамила, избила любовницу и мужа отъ себя прогнала.

Поглядѣлъ еще крестникъ на свою мать и видитъ, лежитъ она въ избѣ, и влѣзъ въ избу разбойникъ и сталъ сундукъ ломать.

Проснулась мать, закричала. Увидалъ разбойникъ, выхватилъ топоръ, замахнулся на мать, хочетъ ее убить.

Не сдержался крестникъ, какъ пуститъ жезломъ въ разбойника, прямо въ високъ ему попалъ, убилъ на мѣстѣ.

VI

Только убилъ крестникъ разбойника, опять затворились стѣны, стали опять палаты, какъ были.

Отворилась дверь, входитъ крестный. Подошелъ крестный къ сыну своему, взялъ его за руку, свелъ съ престола и говоритъ:

— Не послушалъ ты моего приказанія: одно худое дѣло сдѣлалъ — отворилъ запрещенную дверь; другое худое дѣло сдѣлалъ — на престолъ взошелъ и въ руки мой жезлъ взялъ; третье худое дѣло сдѣлалъ — много зла на свѣтѣ прибавилъ. Коли бы ты еще часъ посидѣлъ, ты бы половину людей перепортилъ.

И ввелъ крестный опять крестника на престолъ, взялъ въ руки жезлъ. И опять отвалились стѣны, и все видно стало.

И сказалъ крестный:

— Смотри теперь, что ты своему отцу сдѣлалъ: Василій теперь годъ въ острогѣ просидѣлъ, всѣмъ злодѣйствамъ научился и остервенѣлъ совсѣмъ. Смотри, вонъ онъ у отца твоего двухъ лошадей угналъ и, видишь, ему ужъ и дворъ запаливаетъ. Вотъ что ты своему отцу сдѣлалъ.

Только увидалъ крестникъ, что загорѣлся отцовъ дворъ, закрылъ отъ него это крестный, велѣлъ смотрѣть въ другую сторону.

— Вотъ, говоритъ, мужъ твоей крестной уже годъ теперь, какъ бросилъ жену, съ другими на сторонѣ гуляетъ, а она съ горя пить стала, любовница его прежняя совсѣмъ пропала. Вотъ что ты со своей крестной сдѣлалъ.

Закрылъ и это крестный, показалъ на его домъ. И увидалъ онъ свою мать: плачетъ она о своихъ грѣхахъ, кается, говоритъ: „лучше бы меня тогда разбойникъ убилъ, — не надѣлала бы я столько грѣховъ“.

— Вотъ что ты своей матери сдѣлалъ.

Закрылъ и это крестный и показалъ внизъ. И увидалъ крестникъ разбойника: держатъ разбойника два стража передъ темницей.

И сказалъ ему крестный: „этотъ человѣкъ девять душъ загубилъ. Ему бы надо самому свои грѣхи выкупать, а ты его убилъ, всѣ грѣхи его на себя снялъ. Теперь тебѣ за всѣ его грѣхи отвѣчать. Вотъ что ты самъ себѣ сдѣлалъ. Медвѣдица разъ чурбанъ толкнула — медвѣжатъ потревожила; другой разъ толкнула — пѣстуна убила, а третій разъ толкнула — сама себя погубила. То же и ты сдѣлалъ. Даю тебѣ теперь сроку на тридцать лѣтъ. Иди въ міръ, выкупай разбойниковы грѣхи. Если не выкупишь, тебѣ на его мѣсто идти".

И сказалъ крестникъ: „какъ же мнѣ его грѣхи выкупить?"

И сказалъ крестный: „когда въ мірѣ столько же зла изведешь, сколько завелъ, тогда и свои и разбойниковы грѣхи выкупишь".

И спросилъ крестникъ: „какъ же въ мірѣ зла изводить?"

Сказалъ крестный: „иди ты прямо на восходъ солнца, придетъ поле, на немъ люди. Примѣчай, что люди дѣлаютъ, и научи ихъ тому, что знаешь. Потомъ иди дальше, примѣчай то, что увидишь; придешь на четвертый день къ лѣсу, въ лѣсу келья, въ кельѣ старецъ живетъ, разскажи ему все, что было. Онъ тебя научитъ. Когда все сдѣлаешь, что тебѣ старецъ велитъ, тогда свои и разбойниковы грѣхи выкупишь".

Сказалъ такъ крестный и выпустилъ крестника за ворота.

VII

Пошелъ крестникъ. Идетъ и думаетъ: „какъ мнѣ на свѣтѣ зло изводить? Изводятъ на свѣтѣ зло тѣмъ, что злыхъ людей въ ссылки ссылаютъ, въ тюрьмы сажаютъ и казнями казнятъ. Какъ же мнѣ дѣлать, чтобы зло изводить, а на себя чужихъ грѣховъ не снимать?" Думалъ, думалъ крестникъ, не могъ придумать.

Шелъ, шелъ, приходитъ къ полю. На полѣ хлѣбъ выросъ — хорошій, густой, и жать пора. Видитъ крестникъ, зашла

въ этотъ хлѣбъ телушка, и увидали люди, посѣли верхами, гоняютъ по хлѣбу телушку изъ стороны въ сторону. Только хочетъ телушка изъ хлѣба выскочить, наѣдетъ другой, испугается телушка, опять въ хлѣбъ; опять за ней скачутъ по хлѣбу. А на дорогѣ стоитъ баба, плачетъ: „загоняютъ они, говоритъ, мою телушку".

И сталъ крестникъ говорить мужикамъ: „зачѣмъ вы такъ дѣлаете? Вы выѣзжайте всѣ вонъ изъ хлѣба. Пусть хозяйка свою телушку покличетъ". Послушались люди. Подошла баба къ краю, начала кликать: „тпрюси, тпрюси, буреночка, тпрюси, тпрюси!.." Насторожила телушка уши, послушала, послушала, побѣжала къ бабѣ, прямо ей подъ подолъ мордой, — чутъ съ ногъ не сбила. И мужики рады, и баба рада, и телушка рада.

Пошелъ крестникъ дальше и думаетъ: „вижу я теперь, что зло отъ зла умножается. Что̀ больше гоняютъ люди зло, больше зла разводятъ. Нельзя, значитъ, зло зломъ изводить. А чѣмъ его изводить — не знаю. Хорошо, какъ телушка хозяйку послушала, а то какъ не послушаетъ, какъ ее вызвать?"

Думалъ, думалъ крестникъ, ничего не придумалъ, пошелъ дальше.

VIII

Шелъ, шелъ, приходитъ къ деревнѣ. Попросился въ крайней избѣ ночевать. Пустила хозяйка. Въ избѣ никого нѣтъ, только одна хозяйка моетъ.

Вошелъ крестникъ, взлѣзъ на печку и сталъ глядѣть, что̀ хозяйка дѣлаетъ; видитъ — вымыла хозяйка избу, стала столъ мыть. Вымыла столъ, стала вытирать грязнымъ ручникомъ. Станетъ въ одну сторону стирать — не вытирается столъ. Отъ грязнаго ручника полосами грязь по столу. Станетъ въ другую сторону стирать — однѣ полосы сотретъ, другія сдѣлаетъ. Станетъ опять вдоль вытирать, опять то же. Пачкаетъ грязнымъ ручникомъ; одну грязь сотретъ, другую налѣпитъ. Поглядѣлъ поглядѣлъ крестникъ, говоритъ:

— Что жъ ты это, хозяюшка, дѣлаешь?
— Развѣ не видишь, говоритъ: къ празднику мою. Да вотъ никакъ столъ не домою, все грязно, измучилась совсѣмъ.
— Да ты бы, говоритъ, ручникъ выполоскала, а тогда бъ стирала.
Сдѣлала такъ хозяйка, живо вымыла столъ.
— Спасибо, говоритъ, что научилъ.
На утро распрощался крестникъ съ хозяйкой, пошелъ дальше. Шелъ, шелъ, пришелъ въ лѣсъ. Видитъ — гнутъ мужики ободья. Подошелъ крестникъ, видитъ — кружатся мужики, а ободъ не загибается.
Поглядѣлъ крестникъ, видитъ — кружится у мужиковъ стуло, нѣтъ въ немъ державы. Посмотрѣлъ крестникъ и говоритъ:
— Что это вы, братцы, дѣлаете?
— Да вотъ ободья гнемъ. И два раза парили, измучились совсѣмъ — не загибаются.
— Да вы, братцы, стуло-то укрѣпите, а то вы съ нимъ вмѣстѣ кружитесь.
Послушались мужики, укрѣпили стуло, пошло у нихъ дѣло на ладъ.
Переночевалъ у нихъ крестникъ, пошелъ дальше. Весь день и ночь шелъ, передъ зарей подошелъ къ гуртовщикамъ, прилегъ онъ около нихъ. И видитъ — уставили гуртовщики скотину и разводятъ огонь. Взяли сухихъ вѣтокъ, зажгли, не дали разгорѣться, наложили на огонь сырого хворосту. Зашипѣлъ хворостъ, затухъ огонь. Взяли гуртовщики еще суши, зажгли, опять навалили хворосту сырого, — опять затушили. Долго бились, не разожгли огня.
И сказалъ крестникъ: „вы не спѣшите хворостъ накладывать, а прежде разожгите хорошенько огонь. Когда жарко разгорится, тогда ужъ накладывайте“.
Сдѣлали такъ гуртовщики; разожгли сильно, наложили хворостъ. Занялся хворостъ, разгорѣлся костеръ. Побылъ съ ними крестникъ и пошелъ дальше. Думалъ, ду-

малъ крестникъ, къ чему онъ эти три дѣла видѣлъ, — не могъ понять.

IX

Шелъ, шелъ крестникъ, прошелъ день. Приходитъ въ лѣсъ; въ лѣсу келья. Подходитъ крестникъ къ кельѣ, стучится. Спрашиваетъ изъ кельи голосъ:

— Кто тамъ?

— Грѣшникъ великій, иду чужіе грѣхи выкупать.

Вышелъ старецъ и спрашиваетъ:

— Какіе такіе чужіе грѣхи на тебѣ?

Разсказалъ ему все крестникъ: и про отца крестнаго, и про медвѣдицу съ медвѣжатами, и про престолъ въ запечатанной палатѣ, и про то, что ему крестный велѣлъ, и про то, какъ онъ на полѣ мужиковъ видѣлъ, какъ они весь хлѣбъ стоптали и какъ телушка къ хозяйкѣ сама вышла.

— Понялъ я, говоритъ, что нельзя зло зломъ изводить, а не могу понять, какъ его изводить надо. Научи меня.

И сказалъ старецъ:

— А скажи мнѣ, что ты еще по дорогѣ видѣлъ?

Разсказалъ ему крестникъ про бабу, какъ она мыла, и про мужиковъ, какъ они ободья гнули, и про пастуховъ, какъ они огонь разводили.

Выслушалъ старецъ, вернулся въ келью, вынесъ топоришко щербатый.

— Пойдемъ, говоритъ.

Отошелъ старецъ на поприще отъ кельи, показалъ на дерево.

— Руби, говоритъ.

Срубилъ крестникъ, упало дерево.

— Руби теперь на-трое.

Разрубилъ крестникъ на-трое. Зашелъ опять въ келью старецъ, принесъ огня.

— Сожги, говоритъ, эти три чурака.

Развелъ крестникъ огонь, сжегъ три чурака, остались три головешки.

— Зарой въ землю наполовину. Вотъ такъ.
Зарылъ крестникъ.
— Видишь, подъ горой рѣка, носи оттуда воду во рту, поливай. Эту головешку поливай такъ, какъ ты бабу училъ. Эту поливай, какъ ты ободчиковъ научилъ. А эту поливай, какъ ты пастуховъ научилъ. Когда прорастутъ всѣ три и изъ головешекъ три яблони вырастутъ, тогда узнаешь, какъ въ людяхъ зло изводить; тогда и грѣхи выкупишь.
Сказалъ это старецъ и ушелъ въ свою келью. Думалъ, думалъ крестникъ, не могъ понять, что ему сказалъ старецъ. А сталъ дѣлать, какъ ему велѣно.

X

Пошелъ крестникъ къ рѣкѣ, набралъ полонъ ротъ воды, вылилъ на головешку, пошелъ еще и еще; полилъ и другія двѣ. Уморился крестникъ, захотѣлось ему ѣсть. Пошелъ въ келью у старца пищи попросить. Отворилъ дверь, а старецъ мертвый на лавочкѣ лежитъ. Осмотрѣлся крестникъ, нашелъ сухариковъ, поѣлъ; нашелъ и заступъ и сталъ старцу могилу копать. Ночью воду носилъ, поливалъ, а днемъ могилу копалъ. Только выкопалъ могилу, хотѣлъ хоронить, пришли изъ деревни люди, старцу пищи принесли.
Узнали люди, что померъ старецъ и благословилъ крестника на свое мѣсто. Похоронили люди старца, оставили крестнику хлѣба; обѣщались принести еще и ушли.
И остался крестникъ на старцевомъ мѣстѣ жить. Живетъ крестникъ, кормится тѣмъ, что ему люди носятъ и повелѣнное дѣло дѣлаетъ — во рту изъ рѣки воду носитъ, головешки поливаетъ.
Прожилъ такъ крестникъ годъ, и стало къ нему много людей ходить. Прошла про него слава, что живетъ въ лѣсу святой человѣкъ, спасается, ртомъ изъ-подъ горы воду носитъ, горѣлые пни поливаетъ. Стало къ нему много народу ходить. Стали и богатые купцы ѣздить,

ему подарки возить. Не бралъ ничего себѣ крестникъ, кромѣ нужды, а что ему давали, то другимъ бѣднымъ раздавалъ.

И сталъ такъ жить крестникъ: половину дня воду во рту носитъ, головешки поливаетъ, а другую половину отдыхаетъ и народъ принимаетъ.

И сталъ думать крестникъ, что такъ ему велѣно жить, этимъ самымъ зло изводить и грѣхи выкупать.

Прожилъ такъ крестникъ и другой годъ, ни одного дня не пропустилъ, чтобы не полить, а все не проросла ни одна головешка.

Сидитъ онъ разъ въ кельѣ, слышитъ—ѣдетъ мимо него человѣкъ верхомъ и пѣсни поетъ. Вышелъ крестникъ посмотрѣть, что за человѣкъ. Видитъ—человѣкъ сильный, молодой. Одежда на немъ хорошая, и лошадь, и сѣдло подъ нимъ дорогія.

Остановилъ его крестникъ и спросилъ, что онъ за человѣкъ и куда ѣдетъ.

Остановился человѣкъ.

—Я, говоритъ, разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ, людей убиваю: что больше людей убью, то веселѣй пѣсни пою.

Ужаснулся крестникъ, думаетъ: „какъ въ такомъ человѣкѣ зло извести? Хорошо мнѣ тѣмъ говорить, которые ко мнѣ ходятъ, сами каются. А этотъ зломъ хвалится". Ничего не сказалъ крестникъ, пошелъ прочь да подумалъ: „какъ теперь быть! Повадится этотъ разбойникъ здѣсь ѣздить, напугаетъ онъ народъ, перестанутъ ко мнѣ люди ходить. И имъ пользы не будетъ, да и мнѣ тогда какъ жить будетъ?"

И остановился крестникъ. И сталъ разбойнику говорить:

—Сюда, говоритъ, ко мнѣ люди ходятъ не зломъ хвалиться, а каяться и грѣхи отмаливать. Покайся и ты, если Бога боишься; а не хочешь каяться, такъ уѣзжай отсюда и не пріѣзжай никогда, меня не смущай и народъ отъ меня не отпугивай. А если не послушаешь, покараетъ тебя Богъ.

Засмѣялся разбойникъ.

— Не боюсь, говоритъ, я Бога и тебя не послушаю. Ты мнѣ не хозяинъ. Ты, говоритъ, своимъ богомольствомъ кормишься, а я разбоемъ кормлюсь. Всѣмъ кормиться надо. Ты бабъ, что къ тебѣ ходятъ, учи, а меня учить нечего. А за то, что ты мнѣ про Бога помянулъ, я завтра лишнихъ двухъ людей убью. И тебя бы нынче убилъ, да не хочется рукъ марать. А впередъ не попадайся.

Погрозилъ такъ разбойникъ и уѣхалъ. И не проѣзжалъ больше разбойникъ, и жилъ крестникъ попрежнему спокойно восемь лѣтъ.

XI

Пошелъ разъ ночью крестникъ свои головешки поливать, пришелъ въ келью отдохнуть и сидитъ, глядитъ на тропочку, скоро ли народъ придетъ. И не пришелъ въ этотъ день ни одинъ человѣкъ. Просидѣлъ крестникъ одинъ до вечера, и скучно ему стало, и раздумался онъ о своей жизни. Вспомнилъ онъ, какъ разбойникъ его укорилъ за то, что онъ своимъ богомольствомъ кормится. И оглянулся крестникъ на свою жизнь. „Не такъ, думаетъ, я живу, какъ мнѣ старецъ велѣлъ. Старецъ мнѣ епитимію наложилъ, а я изъ нея хлѣбъ да славу людскую сдѣлалъ. И такъ соблазнился на нее, что скучно мнѣ, когда ко мнѣ народъ не ходитъ. А когда ходитъ народъ, то я только и радуюсь тому, какъ они мою святость прославляютъ. Не такъ жить надо. Запутался я славою людской. Прежнихъ грѣховъ не выкупилъ, а новые нажилъ. Уйду я въ лѣсъ, въ другое мѣсто, чтобъ меня народъ не нашелъ. Стану одинъ жить такъ, чтобы старые грѣхи выкупать, а новыхъ не наживать“.

Подумалъ такъ крестникъ, и взялъ мѣшочекъ сухарей и заступъ и пошелъ прочь отъ кельи къ оврагу, чтобы въ глухомъ мѣстѣ себѣ земляночку выкопать — отъ людей укрыться. Идетъ крестникъ съ мѣшочкомъ и съ заступомъ, наѣзжаетъ на него разбойникъ. Испугался крестникъ, хотѣлъ бѣжать, да догналъ его разбойникъ.

— Куда идешь? говоритъ.

Разсказалъ ему крестникъ, что хочетъ онъ отъ народа уйти въ такое мѣсто, чтобы никто къ нему не ходилъ.

Удивился разбойникъ.

— Чѣмъ же ты теперь кормиться будешь, когда къ тебѣ люди ходить не будутъ?

И не подумалъ объ этомъ прежде крестникъ, а какъ спросилъ его разбойникъ, вспомнилъ онъ и про пищу.

— А чѣмъ Богъ дастъ, говоритъ.

Ничего не сказалъ разбойникъ, поѣхалъ дальше.

„Что жъ, — думаетъ крестникъ, — я ему ничего про его жизнь не сказалъ? Можетъ, онъ теперь покается. Нынче онъ какъ будто помягче и не грозится убить". И прокричалъ крестникъ вслѣдъ разбойнику:

— А все жъ тебѣ покаяться надо. Отъ Бога не уйдешь.

Повернулъ лошадь разбойникъ. Выхватилъ ножъ изъ-за пояса, замахнулся на крестника. Испугался крестникъ, убѣжалъ въ лѣсъ.

Не сталъ его догонять разбойникъ, только сказалъ: „два раза простилъ тебя, старикъ, въ третій не попадайся — убью!" Сказалъ такъ и уѣхалъ. Пошелъ вечеромъ крестникъ головешки поливать, глядь — одна ростки пустила. Яблонька изъ нея растетъ.

XII

Скрылся отъ людей крестникъ и сталъ одинъ жить. Вышли у него сухари. „Ну, думаетъ, теперь корешковъ поищу". Только пошелъ искать, видитъ — на суку мѣшочекъ съ сухарями виситъ. Взялъ его крестникъ и сталъ кормиться.

Только вышли сухари, опять другой мѣшочекъ на томъ же суку нашелъ. И жилъ такъ крестникъ. Только одно у него горе было — разбойника боялся. Какъ заслышитъ разбойника, такъ спрячется, думаетъ: „убьетъ онъ меня, такъ и не успѣешь грѣховъ выкупить".

Прожили такъ еще десять лѣтъ. Яблонька одна росла, а двѣ головешки, какъ были головешками, такъ и оставались.

Всталъ разъ рано крестникъ, пошелъ свое дѣло исполнять, смочилъ землю у головешекъ, уморился и присѣлъ отдохнуть. Сидитъ, отдыхаетъ и думаетъ: „согрѣшилъ я — сталъ смерти бояться. Захочетъ Богъ, такъ и смертью грѣхи выкуплю". Только подумалъ такъ, вдругъ слышитъ, ѣдетъ разбойникъ, ругается. Услыхалъ крестникъ и думаетъ: „кромѣ Бога ни худого, ни добраго ни отъ кого мнѣ не будетъ", и пошелъ къ разбойнику навстрѣчу. Видитъ, ѣдетъ разбойникъ не одинъ, а везетъ за собой на сѣдлѣ человѣка. А у человѣка и руки, и ротъ завязаны. Молчитъ человѣкъ, а разбойникъ на него ругается. Подошелъ крестникъ къ разбойнику, сталъ предъ лошадью.

— Куда ты, говоритъ, этого человѣка везешь?

— А везу въ лѣсъ. Это купцовъ сынъ. Не сказываетъ онъ, гдѣ отцовскія деньги спрятаны. Буду я его до тѣхъ поръ пороть, пока онъ скажетъ.

И хотѣлъ разбойникъ проѣхать. Да не пустилъ крестникъ, схватилъ лошадь за узду. — Отпусти, говоритъ, этого человѣка.

Разсердился разбойникъ на крестника, замахнулся на него.

— Иль, говоритъ, и тебѣ того же хочется? Я тебѣ обѣщалъ, что убью. Пусти!

Не испугался крестникъ.

— Не пущу, говоритъ. Не боюсь я тебя, я только Бога боюсь. А Богъ не велитъ пускать. Отпусти человѣка.

Нахмурился разбойникъ, выхватилъ ножъ, перерѣзалъ веревки, пустилъ купцова сына.

— Убирайтесь, говоритъ, вы оба, не попадайтесь въ другой разъ.

Соскочилъ купцовъ сынъ, побѣжалъ. Хотѣлъ разбойникъ проѣхать, да остановилъ его еще крестникъ; сталъ ему еще говорить, чтобъ бросилъ онъ свою дурную жизнь. Постоялъ разбойникъ, выслушалъ все, ничего не сказалъ и уѣхалъ.

На утро пошелъ крестникъ поливать головешки. Глядь, и другая проросла, — тоже яблонька растетъ.

XIII

Прошло еще десять лѣтъ. Сидитъ разъ крестникъ, ничего ему не хочется, ничего не боится, и радуется въ немъ сердце. И думаетъ себѣ крестникъ: „какая людямъ отъ Бога благодать! А мучаютъ они себя понапрасну. Жить бы да жить имъ въ радости". И вспомнилъ онъ про все зло людское, какъ они себя мучаютъ. И жалко ему стало людей. „Напрасно, думаетъ, я такъ живу; пойти надо сказать людямъ, что я знаю".

Только подумалъ онъ и слышитъ, ѣдетъ разбойникъ. Пропустилъ онъ его и думаетъ: „съ этимъ что и говорить, не пойметъ".

Подумалъ сперва такъ, а потомъ передумалъ, вышелъ на дорогу. Ѣдетъ разбойникъ пасмурный, въ землю смотритъ. Поглядѣлъ на него крестникъ, и жалко ему стало, подбѣжалъ къ нему, ухватилъ его за колѣно.

— Братъ милый, говоритъ, пожалѣй свою душу! Вѣдь въ тебѣ духъ Божій. Мучаешься ты, и другихъ мучаешь, и еще хуже мучиться будешь. А Богъ тебя какъ любитъ, какую тебѣ благодать припасъ! Не губи ты себя, братецъ. Перемѣни свою жизнь!

Нахмурился разбойникъ, отвернулся. — Отстань, — говоритъ.

Обхватилъ крестникъ еще крѣпче разбойника за колѣно и слезами заплакалъ.

Поднялъ глаза разбойникъ на крестника. Смотрѣлъ, смотрѣлъ, слѣзъ съ лошади и палъ предъ крестникомъ на колѣни.

— Побѣдилъ, говоритъ, ты меня, старикъ. Двадцать лѣтъ я съ тобой боролся. Осилилъ ты меня. Не властенъ я теперь надъ собой. Дѣлай со мной, что хочешь. Когда ты меня, говоритъ, въ первый разъ уговаривалъ, я только больше озлился. А задумался я, говоритъ, надъ твоими рѣчами только тогда, когда ты отъ людей уходилъ и узналъ, что тебѣ самому отъ людей ничего не нужно. И сталъ я съ тѣхъ поръ сухарей для тебя на сукъ вѣшать.

И вспомнилъ крестникъ, что тогда только баба столъ вымыла, когда ручникъ выполоскала: пересталъ онъ о себѣ заботиться, очистилъ сердце и сталъ другія сердца очищать.

И сказалъ разбойникъ:

— А повернулось во мнѣ сердце тогда, когда ты смерти не побоялся.

И вспомнилъ крестникъ, что тогда только ободчики ободья загибать стали, когда стуло утвердили: пересталъ онъ смерти бояться, утвердилъ свою жизнь въ Богѣ, и покорилось непокорное сердце.

И сказалъ разбойникъ:

— А растаяло во мнѣ вовсе сердце, только когда ты пожалѣлъ меня и заплакалъ предо мною.

Обрадовался крестникъ, повелъ съ собой разбойника къ тому мѣсту, гдѣ головешки были. Подошли они, а изъ послѣдней головешки тоже яблоня выросла. И вспомнилъ крестникъ, что тогда загорѣлись сырыя дрова у пастуховъ, когда разжегся большой огонь: разгорѣлось въ немъ сердце и разожгло другое.

И обрадовался крестникъ тому, что онъ теперь грѣхи выкупилъ.

Сказалъ это все разбойнику и померъ. Похоронилъ его разбойникъ, сталъ жить, какъ велѣлъ ему крестникъ, и такъ людей учить.

ТРИ СТАРЦА

(ИЗЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗОКЪ НА ВОЛГѢ)

> А молясь не говорите лишняго, какъ язычники: ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ; ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у него.
> (Матѳ. VI, 7, 8).

Плылъ на кораблѣ ахріерей изъ Архангельска города въ Соловки. На томъ же кораблѣ плыли богомольцы къ угодникамъ. Вѣтеръ былъ попутный, погода ясная, не

качало. Богомольцы — которые лежали, которые закусывали, которые сидѣли кучками — бесѣдовали другъ съ дружкой. Вышелъ и архіерей на палубу, сталъ ходить взадъ и впередъ по мосту. Подошелъ архіерей къ носу, видитъ, собралась кучка народа. Мужичокъ показываетъ что-то рукой въ море и говоритъ, а народъ слушаетъ. Остановился архіерей, посмотрѣлъ, куда показывалъ мужичокъ: ничего не видно, только море на солнцѣ блеститъ. Подошелъ поближе архіерей, сталъ прислушиваться. Увидалъ архіерея мужичокъ, снялъ шапку и замолчалъ. Увидалъ и народъ архіерея, тоже сняли шапки, почтенье сдѣлали.

— Не стѣсняйтесь, братцы, — сказалъ архіерей. — Я тоже послушать подошелъ, что ты, добрый человѣкъ, разсказываешь.

— Да вотъ про старцевъ намъ рыбачокъ разсказывалъ, — сказалъ одинъ купецъ посмѣлѣе.

— Что про старцевъ? — спросилъ архіерей, подошелъ къ борту и присѣлъ на ящикъ. — Разскажи и мнѣ, я послушаю. Что ты показывалъ?

— Да вотъ островокъ маячитъ, — сказалъ мужичокъ и показалъ впередъ въ правую сторону. — На этомъ самомъ островкѣ и старцы живутъ, спасаются.

— Гдѣ же островокъ? — спросилъ архіерей.

— Вотъ по рукѣ-то моей извольте смотрѣть. Вонъ облачко, такъ полѣвѣе его внизъ какъ полоска виднѣется.

Смотрѣлъ, смотрѣлъ архіерей, рябитъ вода на солнцѣ, и не видать ему ничего безъ привычки.

— Не вижу, говоритъ. Такъ какіе же тутъ старцы на островѣ живутъ?

— Божьи люди, — отвѣтилъ крестьянинъ. — Давно ужъ я слыхалъ про нихъ, да не доводилось видѣть, а вотъ запрошлымъ лѣтомъ самъ видѣлъ.

И сталъ опять разсказывать рыбакъ, какъ ѣздилъ онъ за рыбой и какъ прибило его къ острову къ этому, и самъ не зналъ, гдѣ онъ. Поутру пошелъ ходить и на-

брелъ на земляночку, и увидалъ у земляночки одного старца, а потомъ вышли и еще два; покормили и обсушили его и помогли лодку починить.

— Какіе же они изъ себя? — спросилъ архіерей.

— Одинъ маленькій, сгорбленный, совсѣмъ древній, въ рясѣ старенькой, должно, годовъ больше ста, сѣдина въ бородѣ ужъ зеленѣть стала, а самъ все улыбается и свѣтлый, какъ ангелъ небесный. Другой ростомъ повыше, тоже старъ, въ кафтанѣ рваномъ, борода широкая, сѣдая съ желтизной, а человѣкъ сильный: лодку мою перевернулъ какъ ушатъ, не успѣлъ я и подсобить ему, — тоже радостный. А третій высокій, борода длинная до колѣнъ и бѣлая какъ лунь, а самъ сумрачный, брови на глаза висятъ, и нагой весь, только рогожкой опоясанъ.

— Что жъ они говорили съ тобой? — спросилъ архіерей.

— Все больше молча дѣлали, и другъ съ дружкой мало говорятъ. А взглянетъ одинъ, а другой уже понимаетъ. Сталъ я высокаго спрашивать, давно ли они живутъ тутъ. Нахмурился онъ, что-то заговорилъ, разсердился точно, да древній маленькій сейчасъ его за руку взялъ, улыбнулся, — и затихъ большой. Только сказалъ древній: „помилуй насъ“, и улыбнулся.

Пока говорилъ крестьянинъ, корабль еще ближе подошелъ къ островамъ.

—Вотъ теперь вовсе видно стало, — сказалъ купецъ. — Вотъ изволите посмотрѣть, ваше преосвященство, — сказалъ онъ, показывая.

Архіерей сталъ смотрѣть. И точно увидалъ черную полоску — островокъ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ архіерей и пошелъ прочь отъ носа къ кормѣ, подошелъ къ кормчему.

— Какой это островокъ, говоритъ, тутъ виднѣется?

— А такъ, безыменный. Ихъ много тутъ.

— Что, правда, говорятъ, тутъ старцы спасаются?

— Говорятъ, ваше преосвященство, да не знаю, правда ли. Рыбаки, говорятъ, видали. Да тоже бываетъ, и зря болтаютъ.

— Я желаю пристать къ острову — повидать старцевъ, — сказалъ архіерей. — Какъ это сдѣлать?

— Кораблемъ подойти нельзя, — сказалъ кормчій. — На лодкѣ можно, да надо старшóго спросить.

Вызвали старшóго.

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть этихъ старцевъ, — сказалъ архіерей. — Нельзя ли свезти меня?

Сталъ старшóй отговаривать. — Можно-то можно, да много времени проведемъ и, осмѣлюсь доложить вашему преосвященству, не стóитъ смотрѣть на нихъ. Слыхалъ я отъ людей, что совсѣмъ глупые старики живутъ, ничего не понимаютъ и ничего и говорить не могутъ, какъ рыбы какія морскія.

— Я желаю, — сказалъ архіерей. — Я заплачу за труды, свезите меня.

Нечего дѣлать, распорядились корабельщики, переладили паруса. Повернулъ кормчій корабль, поплыли къ острову. Вынесли архіерею стулъ на носъ. Сѣлъ онъ и смотритъ. И народъ весь собрался къ носу, всѣ на островокъ глядятъ. И у кого глаза повострѣе, ужъ видятъ камни на островѣ и землянку показываютъ. А одинъ ужъ и трехъ старцевъ разглядѣлъ. Вынесъ старшóй трубу, посмотрѣлъ въ нее, подалъ архіерею. „Точно, говоритъ, вотъ на берегу, поправѣй камня большого, три человѣка стоятъ". Посмотрѣлъ и архіерей въ трубу, навелъ куда надо; точно, стоятъ трое: одинъ высокій, другой пониже, а третій вовсе маленькій; стоятъ на берегу, за руки держатся.

Подошелъ старшóй къ архіерею. — Здѣсь, ваше преосвященство, остановить корабль надо. Если ужъ угодно, такъ отсюда на лодкѣ вы изволите съѣздить, а мы тутъ на якоряхъ постоимъ.

Сейчасъ распустили тросо, кинули якорь, спустили парусъ — дернуло, зашаталось судно. Спустили лодку, соскочили гребцы, и сталъ спускаться архіерей по лѣсенкѣ. Спустился архіерей, сѣлъ на лавочку въ лодкѣ, ударили гребцы въ весла, поплыли къ острову. Подплыли какъ

камень кинуть; видятъ: стоятъ три старца, высокій — нагой, рогожкой опоясанъ, пониже — въ кафтанѣ рваномъ и древненькій сгорбленный — въ ряскѣ старенькой; стоятъ всѣ трое, за руки держатся.

Причалили гребцы къ берегу, зацѣпились багромъ. Вышелъ архіерей.

Поклонились ему старцы, благословилъ онъ ихъ, поклонились они ему еще ниже. И началъ имъ говорить архіерей:

— Слышалъ я, говоритъ, что вы здѣсь, старцы Божіи, спасаетесь, за людей Христу-Богу молитесь, а я здѣсь по милости Божіей, недостойный рабъ Христовъ, Его паству пасти призванъ; такъ хотѣлъ и васъ, рабовъ Божіихъ, повидать и вамъ, если могу, поученіе подать.

Молчатъ старцы, улыбаются, другъ на дружку поглядываютъ.

— Скажите мнѣ, какъ вы спасаетесь и какъ Богу служите? — сказалъ архіерей.

Вздохнулъ средній старецъ и посмотрѣлъ на старшаго, на древняго; нахмурился высокій старецъ и посмотрѣлъ на старшаго, на древняго. И улыбнулся старшій, древній старецъ и сказалъ: „не умѣемъ мы, рабъ Божій, служить Богу, только себѣ служимъ, себя кормимъ“.

— Какъ же вы Богу молитесь? — спросилъ архіерей.

И древній старецъ сказалъ: „молимся мы такъ: трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ“.

И какъ только сказалъ это древній старецъ, подняли всѣ три старца глаза къ небу и всѣ трое сказали: трое Васъ, трое насъ, помилуй насъ!“

Усмѣхнулся архіерей и сказалъ: „это вы про Святую Троицу слышали, да не такъ вы молитесь. Полюбилъ я васъ, старцы Божіи, вижу, что хотите вы угодить Богу, да не знаете, какъ служить Ему. Не такъ надо молиться, а слушайте меня, я научу. Не отъ себя буду учить васъ, а изъ Божьяго писанія научу тому, какъ Богъ повелѣлъ всѣмъ людямъ молиться Ему“.

И началъ архіерей толковать старцамъ, какъ Богъ открылъ Себя людямъ: растолковалъ имъ про Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго и сказалъ:

— Богъ Сынъ сошелъ на землю людей спасти и такъ научилъ всѣхъ молиться. Слушайте и повторяйте за мной.

И сталъ архіерей говорить: „Отче нашъ“. И повторилъ одинъ старецъ: „Отче нашъ“, повторилъ и другой: „Отче нашъ“, повторилъ и третій: „Отче нашъ“. — „Иже еси на небесѣхъ“. Повторили и старцы: „Иже еси на небесѣхъ“. Да запутался въ словахъ средній старецъ, не такъ сказалъ; не выговорилъ и высокій, нагой старецъ: ему усы ротъ заросли — не могъ чисто выговорить; невнятно прошамакалъ и древній беззубый старецъ.

Повторилъ еще разъ архіерей, повторили еще разъ старцы. И присѣлъ на камушекъ архіерей, и стали около него старцы, и смотрѣли ему въ ротъ, и твердили за нимъ, пока онъ говорилъ имъ. И весь день до вечера потрудился съ ними архіерей; и десять, и двадцать, и сто разъ повторялъ одно слово, и старцы твердили за нимъ. И путались они, и поправлялъ онъ ихъ, и заставлялъ повторять сначала.

И не оставилъ архіерей старцевъ, пока не научилъ ихъ всей молитвѣ Господней. Прочли они ее за нимъ и прочли сами. Прежде всѣхъ понялъ средній старецъ и самъ повторилъ ее всю. И велѣлъ ему архіерей еще и еще разъ сказать ее, и еще повторить, и другіе прочли всю молитву.

Ужъ смеркаться стало, и мѣсяцъ изъ моря восходить сталъ, когда поднялся архіерей ѣхать на корабль. Простился архіерей со старцами, поклонились ему всѣ въ ноги. Поднялъ онъ ихъ и облобызалъ каждаго, велѣлъ имъ молиться, какъ онъ научилъ ихъ, и сѣлъ въ лодку, и поплылъ къ кораблю.

И плылъ къ кораблю архіерей, и все слышалъ, какъ старцы въ три голоса громко твердили молитву Господню.

Стали подплывать къ кораблю, не слышно ужъ стало голоса старцевъ, но только видно было при мѣсяцѣ: стоятъ на берегу, на томъ же мѣстѣ, три старца — одинъ, поменьше всѣхъ, посрединѣ, а высокій съ правой, а средній съ лѣвой стороны. Подъѣхалъ архіерей къ кораблю, взошелъ на палубу, вынули якорь, подняли паруса, надуло ихъ вѣтромъ, сдвинуло корабль, и поплыли дальше. Прошелъ архіерей на корму и сѣлъ тамъ, и все смотрѣлъ на островокъ. Сначала видны были старцы, потомъ скрылись изъ виду, виднѣлся только островокъ, потомъ и островокъ скрылся, одно море играло на мѣсячномъ свѣтѣ.

Улеглись богомольцы спать, и затихло все на палубѣ. Но не хотѣлось спать архіерею, сидѣлъ онъ одинъ на кормѣ, глядѣлъ на море туда, гдѣ скрылся островокъ, и думалъ о добрыхъ старцахъ. Думалъ о томъ, какъ радовались они тому, что научились молитвѣ, и благодарилъ Бога за то, что привелъ Онъ его помочь Божіимъ старцамъ, научить ихъ слову Божію.

Сидитъ такъ архіерей, думаетъ, глядитъ въ море, въ ту сторону, гдѣ островокъ скрылся. И рябитъ у него въ глазахъ — то тутъ, то тамъ свѣтъ по волнамъ заиграетъ. Вдругъ видитъ, блеститъ и бѣлѣется что-то въ столбѣ мѣсячномъ: птица ли, чайка или парусокъ на лодкѣ бѣлѣется. Приглядѣлся архіерей. „Лодка, думаетъ, на парусѣ за нами бѣжитъ. Да скоро ужъ очень насъ догоняетъ. То далеко, далеко было, а вотъ ужъ и вовсе виднѣется близко. И лодка не лодка, на парусъ не похоже. А бѣжитъ что-то за нами и насъ догоняетъ“. И не можетъ разобрать архіерей, что такое: лодка не лодка; птица не птица, рыба не рыба. На человѣка похоже, да велико архіерей, и нельзя человѣку средь моря быть. Поднялся очень, да подошелъ къ кормчему: „погляди, говоритъ, что это?“

— Что это, братецъ? Что это? — спрашиваетъ архіерей, а ужъ самъ видитъ — бѣгутъ по морю старцы, бѣлѣютъ

и блестятъ ихъ сѣдыя бороды, и какъ къ стоячему, къ кораблю приближаются.

Оглянулся кормчій, ужаснулся, бросилъ руль и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Господи! Старцы за нами по морю, какъ по суху, бѣгутъ!

— Услыхалъ народъ, поднялся, бросились всѣ къ кормѣ. Всѣ видятъ: бѣгутъ старцы, рука съ рукой держатся — крайніе руками машутъ, остановиться велятъ. Всѣ трое по водѣ, какъ по суху, бѣгутъ и ногъ не передвигаютъ.

Не успѣли судна остановить, какъ поровнялись старцы съ кораблемъ, подошли подъ самый бортъ, подняли головы и заговорили въ одинъ голосъ:

— Забыли, рабъ Божій, забыли твое ученіе! Пока твердили — помнили, перестали на часъ твердить, одно слово выскочило — забыли, все разсыпалось. Ничего не помнимъ; научи опять.

Перекрестился архіерей, перегнулся къ старцамъ и сказалъ: „Доходна до Бога и ваша молитва, старцы Божіи. Не мнѣ васъ учить. Молитесь за насъ грѣшныхъ!“

И поклонился архіерей въ ноги старцамъ. И остановились старцы, повернулись и пошли назадъ по морю. И до утра видно было сіяніе съ той стороны, куда ушли старцы.

КАЮЩІЙСЯ ГРѢШНИКЪ

И сказалъ Іисусу: помяни меня, Господи, когда придешь во царствіе Твое. — И сказалъ ему Іисусъ: истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю.
(Лк. XXIII, 42, 43).

Жилъ на свѣтѣ человѣкъ семьдесятъ лѣтъ, и прожилъ онъ всю жизнь въ грѣхахъ. И заболѣлъ этотъ человѣкъ и не каялся. И когда пришла смерть, въ послѣдній часъ заплакалъ онъ и сказалъ: „Господи! какъ разбойнику на крестѣ, прости мнѣ!“ Только успѣлъ

сказать — вышла душа. И возлюбила душа грѣшника Бога, и повѣрила въ милость Его, и пришла къ дверямъ рая.

И сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное.

И услыхалъ онъ голосъ изъ-за двери: „какой человѣкъ стучится въ двери райскія? и какія дѣла совершилъ человѣкъ этотъ въ жизни своей?“

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и перечислилъ всѣ грѣшныя дѣла человѣка этого и не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: „не могутъ грѣшники войти въ царство небесное. Отойди отсюда“.

И сказалъ человѣкъ: „Господи! голосъ твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не знаю“.

И отвѣчалъ голосъ: „я — Петръ апостолъ“.

И сказалъ грѣшникъ: „пожалѣй меня, Петръ апостолъ, вспомни слабость человѣческую и милость Божію. Не ты ли былъ ученикъ Христовъ, не ты ли изъ самыхъ устъ Его слышалъ ученіе Его и видѣлъ примѣръ жизни Его? А вспомни, когда Онъ тосковалъ и скорбѣлъ душою и три раза просилъ тебя не спать, а молиться, и ты спалъ, потому глаза твои отяжелѣли, и три раза Онъ засталъ тебя спящимъ. Такъ же и я.

„А вспомни еще, какъ обѣщалъ Ему Самому до смерти не отречься отъ Него и какъ ты три раза отрекся отъ Него, когда повели Его къ Каіафѣ. Такъ же и я.

„И вспомни еще, какъ запѣлъ пѣтухъ и ты вышелъ вонъ и заплакалъ горько. Такъ же и я. Нельзя тебѣ не впустить меня“.

И затихъ голосъ за дверьми райскими.

И, постоявъ недолго, опять сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное.

И послышался изъ-за двери другой голосъ и сказалъ: „кто человѣкъ этотъ? и какъ жилъ онъ на свѣтѣ?“

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и опять повторилъ всѣ

худыя дѣла грѣшника и не назвалъ добрыхъ дѣлъ никакихъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: „отойди отсюда: не могутъ такіе грѣшники жить съ нами вмѣстѣ въ раю“.

И сказалъ грѣшникъ: „Господи! голосъ твой слышу, но лица твоего не вижу и имени твоего не знаю“.

И сказалъ ему голосъ: „я — царь и пророкъ Давидъ“. И не отчаялся грѣшникъ, не отошелъ отъ двери рая и сталъ говорить: „пожалѣй меня, царь Давидъ, и вспомни слабость человѣческую и милость Божію. Богъ любилъ тебя и возвеличилъ предъ людьми. Все было у тебя — и царство, и слава, и богатство, и жены, и дѣти, а увидѣлъ ты съ крыши жену бѣднаго человѣка, и грѣхъ вошелъ въ тебя, и взялъ ты жену Урія и убилъ его самого мечомъ амонитянъ. Ты, богачъ, отнялъ у бѣднаго послѣднюю овечку и погубилъ его самого. То же дѣлалъ и я. „И вспомни потомъ, какъ ты покаялся и говорилъ: „я сознаю вину свою и сокрушаюсь о грѣхѣ своемъ“. Такъ же и я. Нельзя тебѣ не впустить меня“.

И затихъ голосъ за дверьми.

И, постоявъ недолго, опять сталъ стучаться грѣшникъ и проситься въ царство небесное. И послышался изъ-за дверей третій голосъ и сказалъ: „кто человѣкъ этотъ? и какъ прожилъ онъ на свѣтѣ?“

И отвѣчалъ голосъ обличителя, и въ третій разъ перечислилъ худыя дѣла человѣка и не назвалъ добрыхъ.

И отвѣчалъ голосъ изъ-за двери: „отойди отсюда: не могутъ грѣшники войти въ царство небесное“.

И отвѣчалъ грѣшникъ: „голосъ твой слышу, но лица не вижу и имени твоего не знаю“.

И отвѣчалъ голосъ: „я — Іоаннъ Богословъ, любимый ученикъ Христа“.

И обрадовался грѣшникъ и сказалъ: „теперь нельзя не впустить меня: Петръ и Давидъ впустятъ меня за то, что они знаютъ слабость человѣческую и милость Божію. А ты впустишь меня потому, что въ тебѣ любви много.

Не ты ли, Іоаннъ Богословъ, написалъ въ книгѣ своей, что Богъ есть любовь и что кто не любитъ, тотъ не знаетъ Бога? Не ты ли при старости говорилъ людямъ одно слово: „Братья, любите другъ друга!“ Какъ же ты теперь возненавидишь и отгонишь меня? Или отрекись отъ того, что сказалъ ты самъ, или полюби меня и впусти въ царство небесное“.

И отворились врата райскія, и обнялъ Іоаннъ кающагося грѣшника и впустилъ его въ царство небесное.

ТЕКСТЫ
КЪ ЛУБОЧНЫМЪ КАРТИНАМЪ
(1885)

ВРАЖЬЕ ЛѢПКО, А БОЖЬЕ КРѢПКО

Жилъ въ старинныя времена добрый хозяинъ. Всего у него было много, и много рабовъ служило ему. И рабы хвалились господиномъ своимъ. Они говорили: „Нѣтъ подъ небомъ господина лучше нашего. Онъ насъ и кормитъ, и одѣваетъ хорошо, и работу даетъ по силамъ, никого словомъ не оскорбитъ и ни на кого зла не держитъ; не такъ, какъ другіе господа своихъ рабовъ хуже скотовъ мучаютъ, и за вину и безъ вины казнятъ, и добраго слова не скажутъ. Нашъ—намъ добра хочетъ, и добро дѣлаетъ, и доброе говоритъ намъ. Намъ лучшаго житья не нужно“.

Такъ хвалились рабы господиномъ своимъ. И вотъ досадно стало дьяволу, что живутъ хорошо и по любви рабы съ господиномъ своимъ. И завладѣлъ дьяволъ однимъ изъ рабовъ господина этого, Алебомъ. Завладѣвъ имъ, велѣлъ ему соблазнять другихъ рабовъ. И когда отдыхали всѣ рабы и хвалили господина своего, поднялъ голосъ Алебъ и сказалъ: „Напрасно хвалитесь вы, братцы, добротою господина нашего. Начни угождать дьяволу, и дьяволъ добръ станетъ. Мы нашему господину хорошо служимъ, во всемъ угождаемъ. Только задумаетъ онъ что, мы то и дѣлаемъ, мысли его угадываемъ. Какъ же ему съ нами добрымъ не быть? А перестаньте-ка угождать да сдѣлайте ему худо, и онъ такой же, какъ и всѣ будетъ, и за зло отплатитъ зломъ хуже, чѣмъ самые злые господа“. И стали другіе рабы спорить съ Алебомъ. И спорили и побились объ закладъ. Взялся Алебъ разсердить добраго господина. Взялся съ тѣмъ уговоромъ,

что если онъ не разсердитъ, то лишается своей праздничной одежды, а если разсердитъ, то обѣщали ему каждый отдать свою праздничную одежу и, кромѣ того, обѣщались защитить его отъ господина, — если закуютъ его въ желѣзо или въ темницу посадятъ, то выпустить его. Побились объ закладъ, и на другое утро обѣщалъ Алебъ разсердить хозяина.

Служилъ Алебъ у хозяина въ овчарнѣ, ходилъ за племенными дорогими баранами. И вотъ, на утро, когда пришелъ добрый господинъ съ гостями въ овчарню и сталъ имъ показывать своихъ любимыхъ дорогихъ барановъ, мигнулъ дьяволовъ работникъ товарищамъ: „смотрите, сейчасъ разсержу хозяина“. Собрались всѣ рабы, смотрятъ въ двери и черезъ ограду, а дьяволъ взлѣзъ на дерево и смотритъ оттуда во дворъ, какъ будетъ ему служить его работникъ. Походилъ хозяинъ по двору, показалъ гостямъ овецъ и ягнятъ и захотѣлъ показать лучшаго своего барана. „Хороши, говоритъ, и другіе бараны, а вонъ тотъ, что съ крутыми рогами, тому цѣны нѣтъ, онъ для меня глаза дороже“. Шарахаются отъ народа по двору овцы и бараны, и не могутъ разсмотрѣть гости дорогого барана. Только остановится этотъ баранъ, такъ дьяволовъ работникъ, какъ будто ненарокомъ, пугнетъ овецъ, и опять всѣ смѣшаются. Не могутъ разобрать гости, который безцѣнный баранъ. Вотъ наскучило это хозяину. Онъ и говоритъ: „Алебъ, другъ любезный, потрудись ты, поймай осторожно лучшаго барана съ крутыми рогами и подержи его“. И только сказалъ это хозяинъ, бросился Алебъ какъ левъ въ середину барановъ и ухватилъ безцѣннаго барана за волну. Ухватилъ за волну и тотчасъ перехватилъ одною рукой за заднюю лѣвую ногу, поднялъ ее и прямо на глазахъ хозяина рванулъ ногу кверху, и хрустнула она, какъ лутошка. Сломалъ Алебъ дорогому барану ногу ниже колѣна. Заблеялъ баранъ и упалъ на переднія колѣни. Перехватилъ Алебъ за правую ногу, а лѣвая вывернулась и повисла какъ плеть.

Ахнули и гости и рабы всѣ, и зарадовался дьяволъ, когда увидѣлъ, какъ умно сдѣлалъ свое дѣло Алебъ. Сталъ чернѣе ночи хозяинъ, нахмурился, опустилъ голову и не сказалъ ни слова. Молчали гости и рабы... Ждали, что будетъ. Помолчалъ хозяинъ, потомъ отряхнулся, какъ будто съ себя скинуть что хочетъ, поднялъ голову и уставилъ глаза на небо. Не долго смотрѣлъ онъ, и морщины разошлись на лицѣ, и онъ улыбнулся и опустилъ глаза на Алеба. Онъ поглядѣлъ на Алеба, улыбнулся и сказалъ: „О Алебъ, Алебъ! твой хозяинъ велѣлъ тебѣ меня разсердить. Да мой хозяинъ сильнѣе твоего: и ты не разсердилъ меня, а разсержу же я твоего хозяина. Ты боялся, что я накажу тебя, и ты хотѣлъ быть вольнымъ, Алебъ, такъ знай же, что не будетъ тебѣ отъ меня наказанія; а хотѣлъ ты быть вольнымъ, такъ вотъ при гостяхъ моихъ отпускаю тебя на волю. Ступай на всѣ четыре стороны и возьми свою праздничную одежду".
И пошелъ добрый господинъ съ гостями своими домой. А дьяволъ заскрежеталъ зубами, свалился съ дерева и провалился сквозь землю.

ДѢВЧОНКИ УМНѢЕ СТАРИКОВЪ

Святая была ранняя. Только на саняхъ бросили ѣздить. На дворахъ снѣгъ лежалъ, и по деревнѣ ручьи текли. Натекла промежду двухъ дворовъ въ проулкѣ изъ-подъ навоза лужа большая. И собрались къ этой лужѣ двѣ дѣвчонки изъ разныхъ дворовъ — одна поменьше, другая постарше. Обѣихъ дѣвчонокъ матери въ новые сарафаны одѣли. На маленькой — синій, а на большенькой — желтый съ разводами. Обѣихъ красными платками повязали. Вышли дѣвочки послѣ обѣдни къ лужѣ, показали другъ дружкѣ свои наряды и стали играть. И захотѣлось имъ побрызгаться въ водѣ. Полѣзла было маленькая въ башмачкахъ въ лужу, а старшенькая и говоритъ: „Не ходи,

Малаша, — мать заругается. Дай я разуюсь, и ты разуйся". Разулись дѣвчонки, подобрались и пошли по лужѣ другъ дружкѣ навстрѣчу. Вошла Малашка по щиколку и говоритъ: „Глубоко, Акулюшка, — я боюсь". — „Ничего, говоритъ, глубже не будетъ. Иди прямо на меня". Стали сходиться. Акулька и говоритъ: „Ты, Малаша, смотри, не брызжи, а потихонечку". Только сказала, а Малашка бултыхъ ногой по водѣ, — прямо на Акулькинъ сарафанъ брызнуло. Сарафанъ забрызгало, и на носъ и въ глаза попало. Увидала Акулька на сарафанѣ пятна, раздосадовалась на Малашку, разругалась, побѣжала за ней, хотѣла побить. Испугалась Малашка, видитъ, что бѣду надѣлала, выскочила изъ лужи, побѣжала домой. Шла мимо Акулькина мать, увидала, на дочкѣ сарафанъ забрызганъ и рубаха запачкана. „Гдѣ ты, подлая, изгваздалась?" — „Меня Малашка нарочно забрызгала. Схватила Акулькина мать Малашку, ударила ее по затылку. Завыла Малашка на всю улицу. Вышла Малашкина мать. За что бьешь мою?" стала сосѣдку бранить. Слово за слово, разругались бабы. Повыскочили мужики, собралась на улицѣ куча большая. Всѣ кричатъ, никто другъ друга не слушаетъ. Бранились, бранились, одинъ толкнулъ другого, совсѣмъ было завязалась драка, да вступилась старуха, Акулькина бабка. Вышла въ серединѣ мужиковъ, стала уговаривать: „Что вы, родные. Такіе ли дни? Надо радоваться, а вы такой грѣхъ затѣяли". Не слушаютъ старуху, чуть самоё съ носъ не сбили. И не уговорила бы ихъ старуха, кабы не Акулька съ Малашкой. Пока бабы перекорялись, затерла себѣ Акулька сарафанчикъ, вышла опять на проулокъ къ лужѣ. Подняла камешекъ и стала у лужи землю ковырять, чтобы на улицу воду спустить. Пока она ковыряла, подошла и Малашка, стала ей подсоблять, тоже щепкой канаву разводить. Мужики только драться начали, а у дѣвчатъ по канавкѣ вода прошла на улицу, прямо на то мѣсто, гдѣ старуха мужиковъ разнимала. Бѣгутъ дѣвчонки — одна съ одного боку, другая

съ другого боку ручья. „Держи, Малаша, держи!“ кричитъ Акулька. Малаша тоже что-то сказать хочетъ, да не выговоритъ отъ смѣха.

Бѣгутъ такъ дѣвчата, на щепку смѣются, какъ она по ручью ныряетъ. И вбѣжали прямо въ середку мужиковъ. Увидала ихъ старуха и говоритъ мужикамъ: „Побойтесь вы Бога! Вы, мужики, изъ-за этихъ самыхъ дѣвчатъ драться связались, а онѣ давно все забыли — опять по любви вмѣстѣ, сердечныя, играютъ. Умнѣй онѣ васъ!“

Посмотрѣли мужики на дѣвчатъ и стыдно имъ стало. А потомъ засмѣялись сами на себя мужики и разошлись по дворамъ.

„Аще не будете какъ дѣти, не войдете въ царствіе Божіе“.

ДВА БРАТА И ЗОЛОТО

Жили въ давнишнія времена недалеко отъ Іерусалима два родные брата, старшій Аѳанасій и меньшой Іоаннъ. Они жили въ горѣ, недалеко отъ города, и питались тѣмъ, что имъ давали люди. Всѣ дни братья проводили на работѣ. Работали они не свою работу, а работу бѣдныхъ. Гдѣ были утружденные работой, гдѣ были больные, сироты и вдовы, туда ходили братья и тамъ работали и уходили, не принимая платы. Такъ проводили братья врозь всю недѣлю и сходились только въ субботу вечеромъ къ своему жилищу. Только воскресный день они оставались дома, молились и бесѣдовали. И ангелъ Господень сходилъ къ нимъ и благословлялъ ихъ. Въ понедѣльникъ они расходились каждый въ свою сторону. Такъ жили братья много лѣтъ, и всякую недѣлю ангелъ Господень сходилъ къ нимъ и благословлялъ ихъ.

Въ одинъ понедѣльникъ, когда братья вышли на работу и разошлись уже въ разныя стороны, старшему брату, Аѳанасію, стало жаль разставаться съ любимымъ братомъ и онъ остановился и оглянулся. Іоаннъ шелъ, потупивъ

голову, въ свою сторону и не глядѣлъ назадъ. Но вдругъ Іоаннъ тоже остановился и, какъ будто увидавъ что-то, пристально, изъ-подъ руки, сталъ смотрѣть туда. Потомъ приблизился къ тому, на что смотрѣлъ, потомъ вдругъ прыгнулъ въ сторону и, не оглядываясь, побѣжалъ подъ гору и на гору, прочь отъ того мѣста, какъ будто лютый звѣрь гнался за нимъ. Удивился Аѳанасій и вернулся назадъ къ тому мѣсту, чтобы узнать, чего такъ испугался его братъ. Сталъ подходить онъ и видитъ, что-то блеститъ на солнцѣ. Подошелъ ближе — на травѣ, какъ высыпана изъ мѣры, лежитъ куча золота... И больше удивился Аѳанасій и на золото и на прыжокъ брата.

„Чего онъ испугался и отчего онъ убѣжалъ? — подумалъ Аѳанасій. — Въ золотѣ грѣха нѣтъ, грѣхъ въ человѣкѣ. Золотомъ можно зло сдѣлать, можно и добро сдѣлать. Сколько сиротъ и вдовъ можно прокормить, сколько голыхъ одѣть, сколько убогихъ и больныхъ уврачевать на это золото! Мы теперь служимъ людямъ, но служба наша малая по нашей малой силѣ, а съ этимъ золотомъ мы можемъ больше служить людямъ“. Подумалъ такъ Аѳанасій и хотѣлъ сказать все это брату; но Іоаннъ ушелъ уже изъ слуха вонъ и только, какъ козявка, виднѣлся онъ уже на другой горѣ.

И снялъ Аѳанасій съ себя одежду, нагребъ въ нее золота, сколько въ силахъ унесть, взвалилъ на плечо и понесъ въ городъ. Пришелъ въ гостиницу, сдалъ гостинику золото и пошелъ за остальнымъ. И когда принесъ все золото, то пошелъ къ купцамъ, купилъ земли въ городѣ, купилъ камней, лѣсу, нанялъ рабочихъ и сталъ строить три дома. И прожилъ Аѳанасій въ городѣ три мѣсяца, построилъ въ городѣ три дома: одинъ домъ — пріютъ для вдовъ и сиротъ, другой домъ — больница для хворыхъ и убогихъ, третій домъ — для странниковъ и нищихъ. И нашелъ Аѳанасій трехъ благочестивыхъ старцевъ, и одного поставилъ надъ пріютомъ, другого — надъ больницею, а третьяго — надъ странноприимнымъ

домомъ. И осталось еще 3.000 золотыхъ монетъ у Аѳанасія. И отдалъ онъ каждому старцу по тысячѣ, чтобъ на руки раздавать бѣднымъ. И стали наполняться народомъ всѣ три дома, и стали люди хвалить Аѳанасія за все то, что онъ сдѣлалъ. И радовался на это Аѳанасій, такъ что и не хотѣлось ему уходить изъ города. Но любилъ Аѳанасій брата своего и, распрощавшись съ народомъ, не оставивъ себѣ ни одной монеты, въ той же старой одеждѣ, въ какой онъ пришелъ, въ той же и пошелъ назадъ къ своему жилищу.

Подходитъ Аѳанасій къ своей горѣ и думаетъ: „неправильно разсудилъ братъ, когда прыгнулъ прочь отъ золота и убѣжалъ отъ него. Развѣ не лучше я сдѣлалъ?“

И только подумалъ это Аѳанасій, какъ вдругъ видитъ — стоитъ на пути его тотъ ангелъ, который благословлялъ ихъ, и грозно глядитъ на него. И обомлѣлъ Аѳанасій и только сказалъ: „за что, Господи?“ И открылъ ангелъ уста и сказалъ: „Иди отсюда. Ты недостоинъ жить съ братомъ твоимъ. Одинъ прыжокъ брата твоего стоитъ дороже всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя ты сдѣлалъ золотомъ твоимъ“.

И сталъ Аѳанасій говорить о томъ, сколько бѣдныхъ и странныхъ онъ накормилъ, сколько сиротъ призрѣлъ. И ангелъ сказалъ ему: „Тотъ дьяволъ, который положилъ это золото, чтобъ соблазнить тебя, научилъ тебя и словамъ этимъ“.

И тогда обличила Аѳанасія совѣсть его, и понялъ онъ, что не для Бога дѣлалъ онъ дѣла свои, и онъ заплакалъ и сталъ каяться.

Тогда отступился ангелъ съ дороги и открылъ ему путь, на которомъ уже стоялъ Іоаннъ, ожидая брата. И съ тѣхъ поръ Аѳанасій не поддавался соблазну дьявола, разсыпавшаго золото, и позналъ, что не золотомъ, а только трудомъ можно служить Богу и людямъ.

И стали братья жить попрежнему.

ИЛЬЯСЪ

Жилъ въ Уфимской губерніи башкирецъ Ильясъ. Остался Ильясъ отъ отца небогатымъ. Отецъ только женилъ его годъ и самъ померъ. Было въ то время имѣнія у Ильяса семь кобылъ, двѣ коровы и два десятка овецъ. Но Ильясъ былъ хозяинъ и сталъ пріобрѣтать; съ утра до вечера трудился съ женой, раньше всѣхъ вставалъ и позже всѣхъ ложился и съ каждымъ годомъ все богатѣлъ. Прожилъ такъ въ трудахъ Ильясь 35 лѣтъ и нажилъ большое имѣніе.

Стало у Ильяса двѣсти головъ лошадей, сто пятьдесятъ головъ рогатаго скота и тысячу двѣсти овецъ. Работники пасли табуны и стада Ильясовы, и работницы доили кобылицъ и коровъ и дѣлали кумысъ, масло и сыръ. Всего было много у Ильяса, и въ округѣ всѣ завидовали Ильясовой жизни. Люди говорили: „счастливый человѣкъ Ильясъ: всего у него много, ему и умирать не нужно.“ Стали Ильяса знать хорошіе люди и съ нимъ знакомство водить. И пріѣзжали къ нему гости издалека. И всѣхъ принималъ, и всѣхъ кормилъ и поилъ Ильясъ. Кто бы ни пришелъ, всѣмъ былъ кумысъ, всѣмъ былъ чай и шерба, и баранина. Пріѣдутъ гости, сейчасъ бьютъ барана или двухъ, а много наѣдетъ гостей, бьютъ и кобылу.

Дѣтей у Ильяса было два сына и дочь. Женилъ Ильясъ сыновей и выдалъ дочь замужъ. Когда бѣденъ былъ Ильясъ, сыновья работали съ нимъ и сами стерегли табуны и овецъ, а какъ стали богаты, начали сыновья баловаться, а одинъ сталъ пить. Одного, старшаго, въ дракѣ убили, а у другого, меньшого, попала жена гордая, и сталъ этотъ сынъ отца не слушаться, и пришлось Ильясу отдѣлить его.

Отдѣлилъ его Ильясъ, далъ ему домъ и скотины, и убавилось богатство Ильясово. И вскорѣ послѣ этого напала болѣзнь на овецъ Ильясовыхъ, и попадало много. Потомъ вышелъ голодный годъ — сѣно не родилось: поколѣло

много скота въ зиму. Потомъ косякъ лучшій киргизцы отбили, и стало Ильясово имѣніе убывать. Сталъ Ильясъ падать ниже и ниже. А силъ стало меньше. И дошелъ къ 70 годамъ Ильясъ до того, что сталъ распродавать шубы, ковры, сѣдла, кибитки, потомъ и скотину сталъ продавать послѣднюю, и сошелъ Ильясъ на нѣтъ. И самъ не видалъ, какъ ничего не осталось, и пришлось на старости лѣтъ идти съ женой жить въ люди. Только и осталось у Ильяса имѣнія, что платье на тѣлѣ, шуба, шапка и ичеги съ башмаками, да жена, Шамъ-Шемаги, тоже старуха. Сынъ отдѣленный ушелъ въ далекую землю, а дочь померла. И помочь старикамъ было некому.

Пожалѣлъ стариковъ ихъ сосѣдъ Мухамедшахъ. Самъ Мухамедшахъ былъ ни бѣденъ, ни богатъ, а жилъ ровно и человѣкъ былъ хорошій. Вспомнилъ онъ хлѣбъ-соль Ильясову, пожалѣлъ его и сказалъ Ильясу: „Приходи, говоритъ, ко мнѣ, Ильясъ, жить, и со старухой. Лѣто по силѣ своей мнѣ работай на бахчахъ а зимой скотину корми, а Шамъ-Шемаги пусть кобылъ доитъ и кумысъ дѣлаетъ. Кормить, одѣвать буду васъ обоихъ и, чего вамъ нужно, вы скажите, я дамъ". Поблагодарилъ Ильясъ сосѣда и сталъ жить съ женой въ работникахъ у Мухамедшаха. Сначала тяжело показалось, а послѣ пріобыкли, и стали старики жить и по силѣ работать.

Хозяину выгодно было такихъ людей держать, потому что старики сами хозяева были и всѣ порядки знали и не лѣнились, по силѣ работали; только жалко бывало Мухамедшаху смотрѣть, какъ такіе высокіе люди на такую низкую ступень пали.

И случилось разъ, пріѣхали къ Мухамедшаху сваты, далекіе гости; пришелъ и мулла. Велѣлъ Мухамедшахъ Ильясу поймать барана и убить. Ильясъ освѣжевалъ барана и сварилъ и послалъ гостямъ. Поѣли гости баранины, напились чаю и взялись за кумысъ. Сидятъ гости съ хозяиномъ на пуховыхъ подушкахъ, на коврахъ, пьютъ изъ чашекъ кумысъ и бесѣдуютъ, а Ильясъ убрался съ

дѣлами и прошелъ мимо двери. Увидалъ его Мухамедшахъ и говоритъ гостю: „Видишь ты, этотъ старикъ прошелъ мимо двери?“ — „Видѣлъ, — говоритъ гость; — а что же въ немъ удивительнаго?“ — „А то въ немъ удивительнаго, что это нашъ первый богачъ былъ — Ильясомъ звать, можетъ ты слышалъ?“ — „Какъ не слыхать, — говоритъ гость; — видать не видалъ, а слава его далеко была“.

— Такъ вотъ теперь ничего у него не осталось, и живетъ онъ у меня въ работникахъ, и старуха его съ нимъ же кобылъ доитъ.

Подивился гость, пощелкалъ языкомъ, помоталъ головой и говоритъ: „Да, видно, такъ счастіе перелетаетъ, какъ колесо: кого вверхъ поднимаетъ, кого внизъ опускаетъ. Что же, — говоритъ гость, — тоскуетъ, я чай, старикъ?“

— Кто его знаетъ, живетъ тихо, смирно, работаетъ хорошо. — Гость и говоритъ: „А можно поговорить съ нимъ? Разспросить бы его про его жизнь“. — „Что жъ, можно!“ говоритъ хозяинъ, и кликнулъ за кибитку: „Бабай (значитъ дѣдушка по-башкирски), заходи, выпей кумысу и старуху зови“. И вошелъ Ильясъ съ женой. Поздоровался Ильясъ съ гостями и хозяиномъ, прочелъ молитву и присѣлъ на колѣночки у дверей; а жена его прошла за занавѣску и сѣла съ хозяйкой.

Подали Ильясу чашку съ кумысомъ. Поздоровался Ильясъ съ гостями и хозяиномъ, поклонился, отпилъ немного и поставилъ. „А что, дѣдушка, — говоритъ ему гость, — скучно, я чай, тебѣ, глядя на насъ, свое прежнее житье вспоминать, — какъ ты въ счастіи былъ и какъ ты теперь въ горѣ живешь?“

И усмѣхнулся Ильясъ и сказалъ: „Сказать мнѣ тебѣ про счастіе и несчастіе, такъ ты не повѣришь; спроси лучше бабу мою; она баба — что на сердцѣ, то и на языкѣ: она тебѣ всю правду объ этомъ дѣлѣ скажетъ“. И сказалъ гость за занавѣску: „Ну что жъ, бабушка, скажи, какъ ты судишь про прежнее счастіе и про теперешнее горе?“

И сказала Шамъ-Шемаги изъ-за занавѣски. „А вотъ какъ сужу: жили мы со старикомъ 50 лѣтъ — счастія искали и не нашли, а только вотъ теперь второй годъ, какъ у насъ ничего не осталось и мы въ работникахъ живемъ, мы настоящее счастіе нашли и другого намъ никакого не надо".

Удивились гости, и удивился хозяинъ, привсталъ даже, откинулъ занавѣску, чтобъ видѣть старуху. А старуха стоитъ, сложивъ руки, усмѣхается, на старика своего смотритъ, и старикъ усмѣхается. Старуха еще разъ сказала: „Правду я говорю, не шучу: полвѣка счастія искали и, пока богаты были, все не находили; теперь ничего не осталось, въ люди жить пошли, — такое счастіе нашли, что лучше не надо".

— Да въ чемъ же ваше счастіе теперь?

— А вотъ въ чемъ: были мы богаты, не было у насъ со старикомъ часу покоя; ни поговорить, ни о душѣ подумать, ни Богу помолиться. Столько у насъ заботы было! То гости къ намъ, — забота, кого чѣмъ угостить, чѣмъ подарить, чтобы не обезсудили насъ. То гости съѣдутъ, за работниками смотримъ — они норовятъ отдохнуть да послаще съѣсть, а мы глядимъ, чтобы наше не пропадало — грѣшимъ. То забота, какъ бы волкъ не зарѣзалъ жеребенка или теленка, какъ бы воры косяка не угнали. Спать ляжешь, не спится — какъ бы ягнятъ не передавили овцы. Пойдешь, ходишь ночью; только успокоишься, — опять забота, какъ корму на зиму запасти. Да мало того, и согласія у насъ со старикомъ не было. Онъ говоритъ, такъ надо сдѣлать, а я говорю этакъ, и начнемъ браниться — грѣшимъ. Такъ жили мы изъ заботы въ заботу, изъ грѣха въ грѣхъ и не видали счастливой жизни.

— Ну, а теперь?

— Теперь встанемъ мы со старикомъ, поговоримъ всегда по любови и въ согласіи, спорить намъ не о чемъ, заботиться не о чемъ, — только намъ и заботы, что хозяину служить. Работаемъ по силамъ, работаемъ съ охотой,

такъ, чтобы хозяину не убытокъ, а барышъ былъ. Придемъ — обѣдъ есть, ужинъ есть, кумысъ есть. Холодно — кизякъ есть погрѣться и шуба есть. И есть когда поговорить, и о душѣ подумать, и Богу помолиться. Пятьдесятъ лѣтъ счастія искали, теперь только нашли.

Засмѣялись гости.

А Ильясъ сказалъ: „Не смѣйтесь, братцы, не шутка это дѣло, а жизнь человѣческая. И мы глупы были со старухой и плакали прежде, что богатство потеряли, а теперь Богъ открылъ намъ правду, и мы не для своей утѣхи, а для вашего добра вамъ ее открываемъ".

И мулла сказалъ: „Это умная рѣчь, и все точную правду сказалъ Ильясъ, это и въ писаніи написано".

И перестали смѣяться гости и задумались.

ТРИ ПРИТЧИ

(1895)

ПЕРВАЯ ПРИТЧА

Выросла сорная трава на хорошемъ лугу. И, чтобы избавиться отъ нея, владѣльцы луга скашивали ее, а сорная трава отъ этого только умножалась. И вотъ добрый и мудрый хозяинъ посѣтилъ владѣльцевъ луга и въ числѣ другихъ поученій, которыя онъ давалъ имъ, сказалъ и о томъ, что не надо косить сорную траву, такъ какъ она только больше распложается отъ этого, а надо вырывать ее съ корнемъ.

Но или потому, что владѣльцы луга не замѣтили въ числѣ другихъ предписаній добраго хозяина предписанія о томъ, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее, или потому, что не поняли его, или потому, что по своимъ расчетамъ не хотѣли исполнить этого, но вышло такъ, что предписаніе о томъ, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее, не исполнялось, какъ будто его никогда и не было, и люди продолжали косить сорную траву и размножать ее. И хотя въ послѣдующіе годы и бывали люди, которые напоминали владѣльцамъ луга предписаніе добраго и мудраго хозяина, но ихъ не слушали и продолжали поступать попрежнему, такъ что скашивать сорную траву, какъ только она показывалась, сдѣлалось не только обыкновеніемъ, но даже священнымъ преданіемъ, и лугъ все больше и больше засорялся. И дошло дѣло до того, что въ лугу стали однѣ сорныя травы, и люди плакались на это и придумывали всякія средства для поправленія дѣла, но не употребляли только одного того, которое давно уже было предложено имъ добрымъ и мудрымъ хозяиномъ. И вотъ случилось въ послѣднее время одному человѣку, видѣвшему то жалкое положеніе,

въ которомъ находился лугъ, и нашедшему въ забытыхъ предписаніяхъ хозяина правило о томъ, чтобы не косить сорной травы, а вырывать ее съ корнемъ, — случилось этому человѣку напомнить владѣльцамъ луга о томъ, что они поступали неразумно и что неразуміе это уже давно указано было добрымъ и мудрымъ хозяиномъ.

И что же? Вмѣсто того, чтобы провѣрить справедливость напоминанія этого человѣка и въ случаѣ вѣрности его перестать косить сорную траву и въ случаѣ невѣрности его доказать ему несправедливость его напоминанія или признать предписанія добраго и мудраго хозяина неосновательными и для себя необязательными, владѣльцы луга не сдѣлали ни того, ни другого, ни третьяго, а обидѣлись на напоминанія того человѣка и стали бранить его. Одни называли его безумнымъ гордецомъ, вообразившимъ себѣ, что онъ одинъ изъ всѣхъ понялъ предписаніе хозяина; другіе — злостнымъ лжетолкователемъ и клеветникомъ; третьи, забывъ о томъ, что онъ говорилъ не свое, но напоминалъ только предписанія почитаемаго всѣми мудраго хозяина, называли его зловреднымъ человѣкомъ, желающимъ развести дурную траву и лишить людей ихъ луга. „Онъ говоритъ, что не надо косить траву, а если мы не будемъ уничтожать траву, — говорили они, нарочно умалчивая о томъ, что человѣкъ говорилъ не о томъ, что не надо уничтожать сорную траву, а о томъ, что надо не косить, а вырывать ее — то сорная трава разрастется и уже совсѣмъ погубитъ нашъ лугъ. И зачѣмъ намъ тогда данъ лугъ, если мы должны воспитывать въ немъ сорную траву?“ И мнѣніе о томъ, что человѣкъ этотъ или безумецъ, или лжетолкователь, или имѣетъ цѣлью вредъ людей, до такой степени утвердилось, что всѣ его бранили и всѣ смѣялись надъ нимъ. И сколько ни разъяснялъ этотъ человѣкъ, что онъ не только не желаетъ разводить сорную траву, но, напротивъ, считаетъ, что въ уничтоженіи дурной травы состоитъ одно изъ главныхъ занятій земледѣльца, какъ и понималъ это добрый и мудрый хозяинъ,

слова котораго онъ только напоминаетъ, — сколько онъ ни говорилъ этого, его не слушали, потому что окончательно рѣшено было, что человѣкъ этотъ или безумный гордецъ, превратно толкующій слова мудраго и добраго хозяина, или злодѣй, призывающій людей не къ уничтоженію сорныхъ травъ, а къ защитѣ и возвращенію ихъ.

То же самое случилось и со мной, когда я указалъ на предписаніе евангельскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ. Правило это было проповѣдано Христомъ и послѣ Него во всѣ времена и всѣми Его истинными учениками. Но потому ли, что они не замѣтили этого правила, или потому, что они не поняли его, или потому, что исполненіе этого правила показалось имъ слишкомъ труднымъ, — чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ болѣе и болѣе удалялся складъ жизни людей отъ этого правила, и наконецъ дошло дѣло до того, до чего дошло теперь, — до того, что правило это уже стало казаться людямъ чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ, страннымъ и даже безумнымъ. И со мной случилось то же самое, что случилось съ тѣмъ человѣкомъ, который указалъ людямъ на давнишнее предписаніе добраго и мудраго хозяина о томъ, что сорную траву не надо косить, а надо вырывать съ корнемъ.

Какъ владѣльцы луга, умышленно умолчавъ о томъ, что совѣтъ состоялъ не въ томъ, чтобы не уничтожать дурной травы, а въ томъ, чтобы уничтожать ее разумнымъ образомъ, сказали: не будемъ слушать этого человѣка, — онъ безумецъ, онъ велитъ не косить дурныхъ травъ, а велитъ разводить ихъ, такъ и на мои слова о томъ, что, для того чтобы по ученію Христа уничтожить зло, надо не противиться ему насиліемъ, а съ корнемъ уничтожать его любовью, сказали: не будемъ слушать его, онъ безумецъ: онъ совѣтуетъ не противиться злу, для того чтобы зло задавило насъ.

Я говорилъ, что по ученію Христа зло не можетъ быть искоренено зломъ, что всякое противленіе злу наси-

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ

Родился 28 августа 1828 г. въ Ясной Полянѣ, Тульск. губ.

Скончался 7 ноября 1910 г. на станціи Астапово, Тамб. губ.

Печатано въ типографіи Брейткопфа и Гертеля въ Лейпцигѣ

PURCHASED FROM
CENTRAL BOOK TRADING CO.
47/239 East 80th Street
New York, N. Y.

LR
T6545na

459322
Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf
Народные разсказы.
[Title transliterated: Narodnuie razskazui]

DATE.

NAME OF BORR

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET